

ЛОИС МАКМАСТЕР

БУДЖОЛД

ЦВЕТЫ ФОРКОСИГАН-ВАШНУЯ

Вселенная Майлза Форкосигана

Лоис Макмастер Буджолд
Цветы Форкосиган-Вашнуя

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Буджолд Л.

Цветы Форкосиган-Вашнуя / Л. Буджолд — «Издательство АСТ»,
2019 — (Вселенная Майлза Форкосигана)

ISBN 978-5-17-121665-8

В наследство от деда Майлз Форкосиган получает тысячи километров отравленной радиацией земли. Что прикажете делать с этой обузой? В новой повести о семействе Форкосиганов Катриона в очередной раз проявляет свойственные ей упорство и настойчивость, защищая свои идеалы и честь семьи! Остальные произведения сборника, не связанные с барраярским циклом, откроют читателю совершенно новую Лоис Буджолд, виртуозно владеющую различными литературными жанрами и формами.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-121665-8

© Буджолд Л., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Цветы Форкосиган-Вашнуя	6
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Лоис Буджолд

Цветы Форкосиган-Вашнуя

Lois McMaster Bujold
The Flowers of Vashnoi
Dreamweaver's Dilemma

© Lois McMaster Bujold, 1995, 2018
© Перевод. Т. Черезова, 2019
© Перевод. В. Миловидов, 2021
© Перевод. А. Новиков, 2019
© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

* * *

Цветы Форкосиган-Вашнуя

Грузовой флайер, делая разворот, чуть накренился. Вадим Самми, смотритель зоны, не отвлекаясь от управления, постучал пальцем по стеклу иллюминатора, показал куда-то вниз и сказал:

– Пролетаем над границей зоны отчуждения, леди Форкосиган. Гляньте!

Катриона присмотрелась. Позади, на расстоянии нескольких километров, остались чисто убранные поля и разбросанные то тут, то там фермы. Теперь же под флайером простирался бурый ровный ковер родной, барраярской растительности вперемешку с островками зеленых растений, завезенных с Земли, – деревьями и кустами, сквозь которые временами посверкивал неширокий ручей, извивавшийся по лугам да заболоченным полянам.

– Как мы узнаем об этом? – спросила она пилота.

Ее муж, Майлз, который тихо сидел в течение всего получасового полета от столицы Округа, Хассадара, наклонился над спинкой ее кресла.

– Там предупреждающие таблички. На столбах и деревьях, каждые десять метров, по всему периметру зоны, все двести километров. В служебные обязанности смотрителя, кстати, входит ежегодный обход периметра с замером радиации. И восстановление табличек – если те вдруг упадут или испортятся.

– Каждый год мы перевешиваем их на несколько метров в глубь зоны, – сказал Вадим. – А это кое-что да значит.

– И что, эти таблички препятствуют проникновению людей в зону? – спросил Энрике Боргос, сидевший рядом с Майлзом.

Катриона с сочувствием посмотрела на ученого, экспатрианта с Эскобара.

– Тут вот в чем фокус, – объяснила она терпеливо. – Когда не видишь реальной опасности, она мерещится тебе отовсюду. Воображение рисует яды там, где их нет и в помине.

Энрике, почесав кончик носа, кивнул.

– Но я бы все равно предпочел иметь счетчик радиации, – сказал он.

Майлз пожал плечами.

– Таблички десятилетиями справляются со своими обязанностями. Ну, по крайней мере старики знают, что это такое. А вот молодежь...

Он моргнул и, задумчиво посмотрев вниз, закончил:

– Мы собираемся строить стену. Прогресс, так сказать...

– Но, если Энрике удастся реализовать свой проект, стена не понадобится, – сказала Катрин.

Майлз вздохнул:

– Наверное...

И, спустя мгновение, воскликнул:

– Вадим! Поднимись повыше и сделай разворот над городом. Мне кажется, Катриона так близко его еще не видела.

Вот именно! Несмотря на то что Катриона прямо участвовала в проекте Энрике и фактически все свое время проводила в хассадарской лаборатории, в зоне, где шел эксперимент, она еще не была. Майлз явно лицемерил, убеждая ее, что заботится только о ее безопасности; она же его вышучивала. Впрочем, этот пункт они уже прошли. А проблему детей они решили успешно и были в этом единодушны: дети оставались в Хассадаре с няней, в высшей степени квалифицированной.

– Выполняю, лорд Форкосиган! – отозвался Вадим, и флайер пошел вверх.

Катриона изучающе смотрела на Вадима. Тот уже несколько недель работал с Энрике в поле, но она до сих пор не встречалась со смотрителем. Стройный, чуть выше среднего

роста, чисто выбритый и аккуратно постриженный. Лет – чуть меньше тридцати. Лицо его было словно вырублено из камня, сплошные углы и жесткие поверхности, но карие глаза таили тепло, а еще в них крылось легкое беспокойство, вызванное присутствием лорда и леди Форкосиган. Как понимала Катриона, смотрителем он служил уже лет десять. Как растолковать ему, что своей преданностью Округу Форкосиган он давно заслужил уважение своего начальства и в этом смысле ему не стоит ни о чем беспокоиться. Впрочем, Майлз до конца дня и сам ему все объяснит – в этом сомнений быть не могло.

Под ними проплыла длинная гряда холмов, тянувшихся с северо-востока на юго-запад, и наконец их глазам открылся город Форкосиган-Вашнуй. Катриона смогла определить его контуры лишь по изгибу реки, делившей город напополам, да по вздыбившимся над морем растительности холмам – это были руины зданий, поросшие теперь бурыми кустами, плотно переплетенными плющом и лианами.

– Мне было, я думаю, лет десять, когда мой дед, граф Петер, показал мне это место с воздуха, – вспоминал Майлз, глядя через стекло иллюминатора вниз. *Двадцать пять лет назад*, подсчитала про себя Катриона.

– Повсюду были эти большие полосы спекшейся стекловидной массы, которые, как утверждали очевидцы, светились по ночам голубым, – продолжал Майлз. – Хотя, возможно, это всего-навсего байки. Потом все это заросло кустарником, было засыпано пожухлой листвой. Ничего не осталось.

Катриона присмотрелась к простиравшейся внизу поверхности – там ничего не светило, разве что блики на воде. К тому же, что особенного разглядишь в дневном свете?

– Большой был город? – спросил Энрике, приложив ладонь к поверхности иллюминатора. В этом мире ученый чувствовал себя новичком.

– Население – чуть больше четверти миллиона, – произнес Вадим тоном экскурсовода, которым ему, как поняла Катриона, частенько приходилось бывать, когда он сопровождал визитеров. – И это немало, тем более что не так давно закончился Период Изоляции.

– Немало и по современным стандартам, – добавил Майлз. – Около двухсот тысяч погибло в первые мгновения после атомной атаки Цетаганды. Еще пятьдесят тысяч – в последующие недели и месяцы, хотя я не думаю, что кто-нибудь специально подсчитывал жертвы и заботился о точности сводок.

Да, катастрофа постигла их восемьдесят лет назад. Были еще войны, но именно нападение Цетаганды вошло в сознание барраярцев как Большая война, как величайшее испытание, которое пришлось вынести Империи.

– Там осталась вся семья моего деда, – продолжал Майлз. – Оба родителя, все братья, кому удалось выжить, куча кузенов и кузин. По сути, это был наш Военный совет, почти в полном составе. К ним должен был присоединиться Принц Ури, но на севере шли бои, и он не мог оставить армию. Хотя историки не считают, что цетагандийская гем-хунта метила исключительно в него. Им нужно было убить нас всех.

Криво усмехнувшись, лорд Форкосиган закончил:

– И, я думаю, они были по-своему правы.

Что и доказала красноречиво вся последующая история героических деяний генерала графа Петера Форкосигана. Катриона даже не знала, радоваться ей или жалеть, что она встретила Майлза уже после того, как эта легендарная личность завершила свое существование.

– Отец говорил, что никогда не видел, чтобы бабушка устраивала мемориальный костер в честь погибших членов нашей семьи, – задумчиво продолжал Майлз. – Я, кстати, тоже. Как-то, когда мне было десять лет и любопытство меня просто распирало, я спросил отца, отчего это так. И он ответил...

Майлз сделал паузу, показал на плывущие под днищем флайера заросли и произнес:

– Ответил, что здесь и так было достаточно огня.

Вадим, горько усмехнувшись, кивнул. А интересно, подумала Катриона, были ли у зрителя предки, сгоревшие на этом атомном костре? И какие истории рассказывали мальчишке в его десять лет? Он ведь делает работу, на которую не так уж много претендентов.

Майлз, выждав паузу, заговорил вновь – все привыкли к его паузам.

– Так или иначе, – сказал он, – после того как война закончилась и мы вышвырнули врага с этой планеты, мой дед вступил во владение всей зараженной зоной. Как графу, ему по закону принадлежали общественные здания в Хассадаре, а также имение Форкосиган в Форбарр-Султане. Но здесь земля стала его личной собственностью, хотя до катастрофы он не имел к ней никакого отношения и не мог ее ни от кого унаследовать. Я думаю, он просто выкупил эти места у кого-то из владельцев, переживших катастрофу. Тогда это выглядело как акт благотворительности по отношению к пострадавшим, причем, делая это, дед ни в чем не унизил их достоинства. Когда же старик умер, вся эта зона по его завещанию перешла ко мне. Мне было всего семнадцать, и я немного комплексовал по поводу...

Он сделал неопределенный жест, как бы обводя контуры своего тела – сутулый коротышка меньше пяти футов ростом.

– ...по поводу своей внешности. Подарком считать это было нельзя, тем более никто и не предполагал, что зона вновь станет обитаемой в течение жизни моего отца. Но, чем старше я становлюсь, тем меньше мне понятно, о чем я тогда действительно думал.

Что до Катрионы, то ей это было тем более непонятно. Но вряд ли старик был настолько слеп, чтобы не видеть, как в его травмированном единственном внуке развивается мощный интеллект. И большое, доброе сердце. *Сияющее*, как определил кто-то, рассказывая о лорде Майлзе Форкосигане. *Может быть, повинаясь голосу своей любви, Петер решил передать свои израненные земли в руки того, кто, как он думал, сможет вдохнуть в них жизнь? Может, он просто отдал должное твоим способностям?* А, может быть, она просто-напросто самым глупым образом влюблена в него и не способна к трезвому суждению – даже после четырех лет замужества! Катриона улыбнулась и посмотрела на ленту реки, несущей свои воды на восток.

Река, извиваясь среди буйной растительности, уносила к морю все новые и новые порции радиации. К востоку от Округа Форкосиган, в соседних областях, до самой дельты, воду из реки пить было нельзя. *А, может быть, так будет не всегда? Возможно, нынешнее поколение Форкосиганов сможет что-то сделать?* Катриона выпрямилась и пристально посмотрела вперед. Флайер вновь пошел вниз и, совершив вираж, перевалил через гряду холмов, которые в союзе с розой ветров когда-то спасли земли, находящиеся к западу, от радиоактивного заражения и гибели.

– Какого черта?

Майлз, вытянув шею, взгляделся в простиравшийся под ними ландшафт и нахмурился.

– Вадим! Что там такое?

Зритель посмотрел вниз.

– Мусор, как я полагаю, лорд Форкосиган.

Катриона проследила за их взглядами. Флайер опустился еще ниже.

– Мне это уже не нравится, – сказал Майлз. – Возможно, все-таки придется ставить ограду. Хотя для флайера забор не помеха.

– Я не думаю, что там кто-то приземляется, – покачал головой Вадим. – Они могут просто сбрасывать мусор из грузового люка. Или через пассажирский люк, если это обычный транспорт, не грузовой.

– Да, отсюда и разброс, – проговорил Майлз. – Надеюсь, особого вреда это не нанесет. Хотя и мириться с этим нельзя.

– Оскорбление величества? – улыбнулась Катриона, которую несколько позабавила реакция мужа.

– Скорее надругательство над могилами.

Катриона, согласно кивнув, опустила глаза.

Через несколько мгновений флайер скользнул вниз и приземлился на краю луга, граничащего с лесным массивом. Пассажиры принялись натягивать защитные костюмы. Поверх своей обычной одежды Майлз и Катриона надели одноразовые комбинезоны, Энрике и Вадим – рабочие защитные костюмы. Гибкие резиновые бахилы и лабораторные перчатки довершали облик членов экспедиции. Майлз не без волнения смотрел, как Катриона натягивает шлем и застегивает маску – простой полуцилиндр из прозрачного пластика с фильтрующим механизмом. Она, улыбаясь с ехидцей, посмотрела на мужа и проследила, как тот обходится со своими средствами защиты. В конце концов, готовый уже прыгнуть на землю, он вспомнил о трости и, ухватив ее за набалдашник, замотанный в два слоя защитными перчатками, неловко сжал ее пальцами. Все проверили дозиметры и спустились на луг.

Катриона кивнула на дозиметр, висящий у Вадима на поясном ремне.

– А что, когда набираешь допустимую дозу, – спросила она, – то карьере зрителя конец?

Вадим пожал плечами:

– С годами это становится не так важно. Да и со средствами восстановления сейчас получше. Надеюсь, мне удастся достаточно долго не переступить красную черту.

– *Технически*, – вмешался в разговор Майлз, – я перешел эту черту в самой середине своей работы в космосе. Но к этому не стоит относиться слишком уж серьезно, не то вообще ничего сделать не сможешь. Хотя сейчас наши уже всю используют методики очистки генома.

Вадим сочувственно кивнул, показав, что разделяет гибкие представления своего босса о протоколе поддержания безопасности, и последовал за ним на экспериментальный участок.

Катриона догнала мужа.

– А я, что, тоже должна наплевать на радиацию? – спросила она.

– Конечно, нет, – ответил он, посмотрев на жену с опаской. – Там очень жесткие правила.

И, почти шепотом, добавил:

– Но следовать им нужно лишь в том случае, если собираешься жить долго.

Ох уж этот их вечный спор! Майлз был убежден, что ему не суждено дожить до преклонных лет, а потому он просто обязан жить с удвоенной скоростью, чтобы успеть все и даже больше. Таков уж он, этот Майлз! Но, если так, пусть то, что должно случиться, случится не сейчас. Пусть – намного позже. Катриона сделает для этого все, что в ее силах.

Вслух же она произнесла:

– Вот и живи. А не то... голову оторву!

В ответ Майлз лишь сверкнул из-под маски своими серыми глазами.

Слабое ровное гудение встретило их на границе испытательного участка – квадрата со стороной в двадцать метров на самом краю леса, куда попала как часть луга, так и заросли кустарника. На каждом из углов этого квадрата располагались генераторы мощного силового поля, которые создавали энергетический барьер высотой и глубиной в метр – чтобы не разбежались маленькие, но очень важные участники проводимого эксперимента. Катриона и Вадим переступили через барьер; Энрике, негромко взвизгнув, прорвался через него; Майлз, твердо закрепив конец трости на земле и опираясь на нее, аккуратно перенес тело через барьер. Колени давно его не подводили, но в здешней грязи лучше не рисковать. Катрионе не терпелось воочию увидеть, как работают *ее* жуки-радиофаги, хотя, конечно, ее вклад в их разработку был на порядок меньше того, что сделал Энрике. Впрочем, экстерьер – это то, на что обращаешь внимание в первую очередь, и именно от внешнего вида зависит первоначальное впечатление.

– А вот и он! – провозгласил Майлз, указав кончиком трости на бурый стебель некоего барраярского растения, в котором Катриона той частью своего разума, где хранились сведения из ботаники и садоводства, мгновенно опознала куроцвет. Майлз тростью отодвинул стебель,

и там, в тени, сидел, удовлетворенно перемалывая челюстями листву, крупный, ярко расцветенный инсектоид.

Это существо, продукт биоинженерной мысли, было в длину сантиметров семь, имело шесть ножек, глянцевые надкрылья и походило на жука. Надкрылья, голова и конечности инсектоида переливались глубоким фиолетовым цветом, а на спине красовался маслянисто-желтый трилистник. Жук, казалось, излучал свет, озарявший тенистые недра зарослей куроцвета. Да, поистине гипнотический эффект, подумала Катриона.

В самом начале, когда жуки еще не обрели своей окончательной формы, Майлз относился к ним с брезгливым раздражением, называл то «жуками-блевунами», то «кишащим роем чертовых тараканов» – последнего определения они удостоились, сбегав из своих клеток и распространившись по всему фамильному особняку Форкосиганов. Когда доктор Энрике Боргос только привез их из своей эскобарской лаборатории, инсектоиды официально назывались «жучки-маслячки», но там, на родине, эти существа едва не стали жертвой, чего уж правду таить, неумелого финансового менеджмента. Зато новая лаборатория, организованная в Хассадаре, где воцарился доктор Боргос, управлялась намного лучше. Правда, не самим Энрике – его мозгу было чем заняться и помимо финансовых проблем.

«Масляный жук» нес в себе один важный секрет. Эти энергичные существа были домом для созданных биоинженерами бактерий, которые перерабатывали все, что съедал жук, причем питался он тем, что люди отвергали – разными несъедобными растениями, – а отрыгивал чрезвычайно полезную и питательную кашицу, напоминавшую соевый творог и вполне годную в пищу. Кроме того, противоположным концом своего тела жук производил лучшие удобрения из тех, что когда-либо встречала Катриона, бывшая вполне опытным садоводом. Одним словом, с какого конца ни посмотри – чрезвычайно полезное и милое существо!

Если не обращать особого внимания на внешность жучка, которого *кое-кто* – Катриона искося глянула на мужа, все еще с подозрением всматривающегося в жующего кроху, – считал отвратительно-отталкивающей. Кстати, не Майлзу с его внешностью судить о том, кто красив, а кто нет! А потому по просьбе других заинтересованных в проекте лиц Катриона взялась на проблемы «упаковки» и наконец создала на уже зарекомендовавшей себя платформе новую генерацию производящих пищу жуков, назвав их *блистательными*, или «жучками-светлячками». Новые инсектоиды были весьма привлекательны и быстро завоевали всеобщую любовь. Только не любовь Майлза.

Впрочем, Майлз очень скоро изменил свое отношение к жукам, когда Энрике пришел к нему с идеей научить этих инсектоидов пожирать загрязненную радиацией субстанцию, перерабатывать тяжелые металлы в глиноподобную массу, отрыгивать ее в специально сконструированные контейнеры и, как это водится у жуков, с противоположного конца выдавать уже чистую, плодородную почву. Очень скоро лаборатория Энрике явственно ощутила прилив новых сил вкупе со средствами, которые лорд Форкосиган щедро выделял из своего личного кошелька. А сам доктор Боргос, который, несмотря на свои юные годы – ему не было и тридцати, – учился быстро, пришел к леди Форкосиган посоветоваться насчет внешнего вида новых инсектоидов.

Предназначение жуков изменилось, называть их стали в связи с этим по-новому, жуками-радиофагами, и Катриона страшно гордилась тем, что Энрике принял и воплотил в жизнь ее идею их нового внешнего облика. Это она придумала поместить на спинке жука предупреждающий знак, который светился бы тем ярче, чем больше зараженной субстанции нес в себе жук. Так биолюминисценция позволила бы быстро определить, опасен ли инсектоид или нет.

– О, господи! – пробормотал Майлз, глядя на светящегося жука-радиофага. – К нему лучше не приближаться.

– Да, но эта штука работает!

Взволнованная, Катриона склонилась ниже, чтобы получше разглядеть жука. Майлз отодвинулся. Жук же, которому было явно наплевать на эмоции прилетевших навестить его людей, продолжал, почавкивая, жевать свою жвачку.

– Ничего себе! – воскликнул вдруг Энрике.

Катриона и Майлз быстро подошли к доктору, который, сняв с пояса сканер радиоактивности, протянул его к небольшой кучке серых гранул. Как только он это сделал, негромкое гудение прибора превратилось в тревожный писк.

– Ничего себе! – повторил Энрике. – Зашкаливает!

Майлз склонился к плечу Энрике, и тот развернул экран сканера так, чтобы лорд Форкосиган все увидел сам.

Затем Энрике выпрямился.

– Похоже, – сказал он, – что проблемой утилизации придется заняться раньше, чем мы планировали. И радикально поменять способ. Мы-то как думали? Будем разбавлять и разбавлять, пока уровень радиации не сольется с фоновым! А здесь степень концентрации только растет.

Доктор отошел, чтобы принести совок, после чего вновь склонился над кучкой отходов и, орудуя совком, наполнил ими небольшой свинцовый контейнер – чтобы отвезти в лабораторию на анализ. Передал контейнер Вадиму, и тот осторожно отнес его к флайеру.

– Должен признать, – проговорил Майлз, внимательно наблюдая за происходящим, – что мне все больше хочется отказаться от своей первоначальной идеи. Я ведь собирался вывести всю эту заразу на орбиту и отправить на солнце. Но теперь меня постоянно посещает предчувствие какой-то страшной транспортной аварии. Если все запаковать в контейнеры и захоронить где-нибудь в зоне активной субдукции, это будет и безопаснее, и дешевле. В конце концов, люди пока не добывают пищу из барраярских морей.

– Пока не добывают, – покачала головой Катриона. – Хотя уже есть такие проекты, как я понимаю. Если будем сидеть сложа руки, что, собственно, и происходило последние восемьдесят лет, рано или поздно все это все равно окажется в море. Хорошо было бы держать эту дрянь подальше от берегов.

– Мне кажется, окончательное решение нужно принимать на основе новых серий тестирования, Майлз, – проговорил Энрике. – В зависимости от того, как поведут себя другие тяжелые металлы, мы сможем говорить о коммерческом использовании этих отходов. В конце концов, то, что ты называешь дрянью, обернется ценным продуктом. Ее концентрация уже сейчас выше, чем у природной руды.

– Какие еще *другие* тяжелые металлы? Я думал, мы имеем дело с остаточным стронцием, цезием и самарием. Ну, и с этим чертовым плутонием.

Цетагандийцы намеренно напшиговали свою бомбу этой адской начинкой, чем вызвали негодование не только жителей Барраяра.

– На прошлой неделе я взял первые образцы. Отличные результаты. Были, правда, и неожиданности. Например, следы платины.

– Платины? – удивился Майлз. – Но как эти масляные... как эти радиофаги находят платину?

– По атому, вероятнее всего. Это же энзимы, понимаете!

Взгляд Энрике расфокусировался, выдавая напряженную работу мозга.

– И у меня появились кое-какие идеи по поводу старых шахт. Знаете, эти отвалы, которые остались от прежних разработок. Ведь все, чем вы располагали в Период Изоляции, работало страшно неэффективно. Так вот: в этих отвалах полным-полно металла, а вот извлечь его оттуда безопасно и экономически выгодно вы были не в состоянии. Я мог бы создать жуков... или червяков, умеющих копать ходы в этих отвалах... И тогда, они бы...

– Поговори-ка с Марсией, – посоветовал Майлз. – Или с Марком. Похоже, это по части их отдела. Я просто хотел...

Майлз замолчал и отошел, вглядываясь в укрытые вечерними тенями кусты подлеска.

Чего он хочет? Спасти достояние предков? Доказать своему умершему деду, что достоин его памяти? Катрионе казалось, что по этой дорожке ее муж готов идти вечно, насколько хватит сил. Но, так или иначе, она присоединилась к Майлзу, который, нервно покусывая под маской свою нижнюю губу, время от времени поднимал взгляд и любовался чудесным смертоносным пейзажем, раскинувшимся вокруг.

– О, господи! – услышали они и поспешили присоединиться к Энрике. Тот, подняв с земли прут, тормозил им жука-радиофага, который размерами вдвое превосходил своих собратьев, уютно устроившихся на стеблях куроцвета. Жук отвечал на действия доктора ворчливым шипением.

– Это не королева? – с опаской спросил Майлз.

– Нет, конечно. Все радиофаги – стерилизованные рабочие особи. Хотя они и растут, и линяют – пока не завершат жизненный цикл. А потом идут умирать туда, куда сносят то, что производят. Собственно, одна из наших задач на опытном участке – определить продолжительность жизни рабочей особи в реальных условиях заражения. Я думаю, кого-то из них мы уже должны были бы потерять, хотя, конечно, эти инсектоиды чрезвычайно устойчивы к воздействию радиации...

Глаза Энрике сузились, он явно увидел что-то важное. Или отсутствие чего-то важного. Он подошел к ближайшей куче отходов и поворошил ее своим прутиком. Фиолетовых фрагментов среди гранул свинцового цвета не оказалось.

Погруженный в свои мысли доктор двинулся к другим кучам. Майлз осторожно последовал за ним.

Осмотрев их все, Энрике поднял глаза и обескураженно улыбнулся.

– Вы мне не поможете? – попросил он своих спутников. – Разойдитесь по участку и посчитайте всех жуков, которых увидите. Все осмотрите – и под листвой, и под упавшими ветками.

Майлз, Катриона и Вадим с готовностью принялись выполнять просьбу доктора. Энрике остался в дальнем конце участка. Майлз орудовал своей тростью, распугав нескольких инсектоидов, попрятавшихся под опавшими листьями и обломками деревьев, – те, переваливаясь на кривых лапках, недовольно поспешили прочь, словно ожившие капли фиолетово-золотой росы.

– У меня двадцать девять, – доложил Майлз.

– Семнадцать, – провозгласил Вадим.

– А у меня двадцать три, – сказала Катриона, глядя на Энрике, который, шевеля губами, продолжал подсчеты.

– Двадцать шесть, – сказал он наконец.

– Итого девяносто пять, – быстро подсчитал Майлз, который всегда ладил с математикой. – Это нормально?

– Как бы сказать, – протянул Энрике. – Все как-то странно. На прошлой неделе я выпустил здесь около двухсот особей.

Было слышно, как глубоко вздохнул Майлз под своей маской.

– Энрике, – произнес он и сделал паузу, стараясь взять себя в руки – к этим жукам у него было особое отношение. Натерпелся! – А они не могли перелететь через барьер? – спросил он наконец.

– Нет! У них ведь нет крыльев, – ответил доктор.

Он поднял жука, светившегося меньше других, и, отогнув тому надкрылья, показал крохотные хитиновые наросты, которые никак не могли обеспечить полет. Майлз отступил на полшага.

– А, может, они забрались на деревья? – предположила Катриона.

Все четверо принялись изучать кроны деревьев, запрокинув головы – точь-в-точь зеваки, любующиеся на фейерверк. Но ничего похожего на золотое мерцание они там не увидели.

Майлз опустил голову и, нахмурившись, спросил, глядя на силовые генераторы:

– А, может, их ночью закоротило, а потом опять... того... раскоротило?

– Маловероятно, – покачал головой Энрике.

– А почему бы нам всем не поискать в поле, по ту сторону барьера, – предложила Катриона. – Если найдем там хоть одного жука, это по крайней мере докажет возможность.

Она пока не знала, возможность *чего* нужно доказать, но, предложив то, что она предложила, она наверняка отвлечет Майлза от Энрике.

Муж что-то недовольно пробурчал, но присоединился к поискам и принялся, упрямо щурясь, всматриваться в кусты, растущие за пределами экспериментального участка. В конце концов, жукам с их яркой раскраской и сигнальными огнями на спинках трудновато было бы укрыться в бурых зарослях.

Катриона размышляла над тем, с какой скоростью жуки-радиофаги могли бы путешествовать на свободе, и уже достаточно глубоко погрузилась в вычисления, когда голос Майлза заставил ее вздрогнуть и оторвать глаза от земли.

– Что это *тут* за чертовщина? – спросил Майлз.

Он стоял в нескольких метрах от жены, всматриваясь в тенистые заросли. Выставив подбородок вперед, он, прихрамывая, двинулся к зарослям. Споткнулся о корневище и наверняка упал бы, если бы Катриона не поспешила к нему на помощь.

– Что ты там увидел? – спросила она.

– Какая-то бледная тень. Показалась и снова исчезла в кустах.

– Одичавшее животное?

Одичавшие собаки, кошки, свиньи, козы, куры, олени, пони, черные и белые крысы и другие беглецы и беглянки из людских поселений разгуливали по диким просторам Барраяра там, где укоренились растения, привезенные с Земли – местные виды как для земных животных, так и для человека оказались несъедобными. В силу последнего обстоятельства земные виды были немногочисленными, а их представители – вечно голодными, и, когда Катриона подумала о диких прожорливых курах, которые, кстати, научились летать и легко могли бы перелететь обустроенную вокруг экспериментального участка ограду, она не позавидовала ни своим жукам-радиофагам, ни другим животным. Ужасающая картинка – под завязку нагруженные радиоактивными отходами жуки как звено пищевой цепи. Правда, люди в Округе Форкосиган не отваживались охотиться на диких зверей – особенно в те времена, когда сканеры радиоактивности были дешевы и их легко можно было позаимствовать у соседа.

– Слишком высокая. И малозаметная. – Майлз, проморгавшись, продолжал всматриваться в кусты. – Это был не...

– Был не кто? – спросила Катриона, тронув мужа за рукав комбинезона.

– Это был не лесной эльф, – твердо сказал Майлз. Сказал ясно и однозначно. Остатки своей нерешительности он отогнал несколькими ударами трости по опавшей листве. После чего позвал:

– Вадим!

Из неглубокой ложины поднялся смотритель.

– Да, милорд!

Концом трости Майлз показал на заросли.

– Я видел там нечто странное, – сказал он.

Вадим глянул в указанном направлении.

– Там ничего нет!

– И тем не менее необходимо произвести разведку. Если что-то обнаружишь, скажи.

Смотритель согласно кивнул и направился в кусты, которые все больше погружались в тень. В сгущающихся сумерках жуков найти было бы легче благодаря испускаемому ими свету, но Катриона не видела ни одного из них.

Через несколько минут вернулся Вадим и доложил, что никого и ничего не увидел.

Майлз нахмурился.

– А, может быть, это галлюцинация? – предположил доктор. – Сумерки, как говорят, могут сыграть такую шутку.

– Нет, – отрезал Майлз. – У меня бывали галлюцинации, и я знаю, что это такое.

– Тогда это была аллергия на лекарства, – пояснила Катриона, увидев обеспокоенный взгляд смотрителя. Но сейчас Майлз, и в этом она была уверена, не принимал никаких лекарств.

Энрике, отвернувшись, принялся вглядываться в сгущающуюся тьму.

– Так не пойдет, – сказал он. – Мне нужно больше данных.

– Но не сегодня, – твердо заявил смотритель. – Пора улетать.

И он со значением постучал подушечками пальцев по экрану дозиметра.

Компания развернулась и направилась к грузовому флайеру.

* * *

Чтобы помочь доктору собрать необходимые данные, Катриона на следующее утро отправилась с ним в зону. Смотрителя они брать не стали, чтобы не увеличивать без особой нужды дозу полученной им радиации; у Майлза в Хассадаре были назначены деловые встречи, а потому Энрике и Катриона самостоятельно, без их помощи, установили на деревьях вокруг экспериментального участка несколько видеокамер.

– Как же я не подумал об этом раньше! – сокрушался Энрике в тот момент, когда Катриона подавала ему последнюю из камер – недорогое устройство, целую партию они оптом купили накануне в городе. Майлз, который в финансовом отношении мыслил категориями окружного бюджета, предложил воспользоваться наилучшим оборудованием Имперской службы безопасности, но Энрике ворчливо отверг это как ненужное излишество – зачем забивать гвозди прециозной электроникой?

– Откуда тебе было знать? – успокаивала ученого Катриона. – С другой стороны, экспериментальный участок нужен как раз для определения проблемных полей, и это у нас получается отлично!

По переговорному устройству, закрепленному на запястье, Энрике связался с хассадарской лабораторией, находившейся на безопасном расстоянии в сотню километров:

– Есть сигнал, Марсия?

– Все в порядке, – послышался из динамика веселый голос. – Весь участок под наблюдением. При приближении видны мельчайшие детали. Могу даже сосчитать лапки. И сравнить яркость расцветки.

Энрике удовлетворенно кивнул и, негромко ворча, спустился по стремянке на землю. Катриона сложила ее и отнесла в небольшое укрытие, которое они соорудили для тех инструментов, что можно было оставить в зоне.

– Если наших жуков воруют куры или крысы, – сказала она, – то следующую партию нам нужно сделать невкусной. Получится?

– Вообще-то они и так не ахти какой деликатес, – отозвался Энрике. – Изменить вкус несложно, но лучше бы нам купить живых кур и привезти в лабораторию – на месте разби-

раться с вариантами. Похоже, это еще одна вещь, о которой нужно было подумать заранее. А я все возился с микробами.

– У тебя все отлично получается, – успокоила доктора Катриона. – И Майлз очень доволен полученной концентрацией.

Энрике просиял.

– Ну что ж, пора тогда задуматься и о системе роботизированного сбора.

– Да уж, – кивнула Катриона. – Рабочих с лопатами сюда посылать явно не стоит. Так наплеватьски относиться к жизни могли лишь в Период Изоляции.

Она запнулась на секунду и продолжила:

– Хотя сбор отходов обеспечил бы занятость живущих в Округе, если система успеет заработать.

Энрике согласно покивал.

– Думаю, можно научить жуков концентрироваться в мобильных контейнерах – как делали их предшественники. Ну как, посчитаем еще?

Они разбили площадку на сектора, чтобы провести подсчет более тщательно, чем накануне. По сравнению со вчерашним общее количество жуков увеличилось на три особи. Целая сотня пропала неизвестно куда, и следов этой орды не было ни под листвой, ни под валежником.

Энрике озабоченно поджал губы.

– Жуков из следующей партии пронумеруем. И снабдим маячками, чтобы отслеживать местонахождение.

Внедрять крохотные маячки в маленьких инсектоидов – нудная работа, и технику из хассадарской лаборатории, кому будет поручено это дело, не позавидуешь. И все-таки Катриона согласилась – это разумно!

Через пару минут леди Форкосиган спросила:

– А как у нас дела с анализом растительности?

– О! – проговорил Энрике нерешительно. – Хорошо, что напонила.

Катриона, которую этот вопрос страшно интересовал, посмотрела на доктора с легким упреком.

– Ты же понимаешь, – начала она, – за восемьдесят лет ту радиацию, которая держалась на поверхности, могло вымыть дождями. Что и случилось. Остальная заключена либо в растениях, либо в нижних слоях почвы. И нам крайне важно узнать, какие растения способны лучше других абсорбировать подпочвенную радиацию. И какие из этих растений предпочитают поглощать наши жуки. Если мы сможем найти некую оптимальную комбинацию, то засадим зону нужными растениями и процесс пойдет гораздо быстрее.

– У меня людей на все не хватает...

– Можно привлечь народ из окружного колледжа в Хассадаре, – предложила Катриона. – Там же есть отделения ботаники, агрономии. Им бы понравилось участвовать в нашем проекте.

Хотя исследования местной биосферы уже проводились и Катриона знала, что специалисты постоянно обновляют карту распределения радиации, делая это с воздуха. Теперь же, вероятно, придется обратиться в колледж.

– Мы стараемся держать наши дела в секрете, – сказал доктор. – Ну, может быть, не совсем в секрете, но, во всяком случае, никому не хотим внушать необоснованных надежд, как говорит твой муж.

Необоснованные надежды. И необоснованные страхи.

– Майлз питает самые большие надежды. А потому скоро нам придется все раскрыть, – сказала Катриона и добавила предусмотрительно: – Вероятно.

После чего, подумав, продолжила:

– Все здесь, в Округе, борются за ресурсы, и это главная проблема. А Майлз говорит – лучшим решением проблемы станет увеличение объема ресурсов, чтобы хватило всем.

Она шла бок о бок с Энрике, который, поглядывая по сторонам, выискивал что-то в бурой растительности. Жуков? А, может быть, новые идеи?

– А что он планирует делать на этой земле? – спросил ученый, когда они дошли до края участка и повернули назад. – Конечно, наш проект с жуками-радиофагами – вещь чрезвычайно интересная с точки зрения как теоретической, так и прикладной науки. Но, как я себе это представляю, Округ Форкосиган не страдает от перенаселения. Марсия говорит, что в столице людей становится все меньше, а теперь еще и эта эмиграция на Зергияр. Почему бы не оставить все как есть и просто любоваться местными красотами?

– С безопасного расстояния? – сухо спросила Катриона. – На веки вечные?

Энрике пожал плечами.

– На этой планете немало бросовых земель, где не селятся люди. Заниматься сельским хозяйством? Это уже архаика. Промышленное производство еды и материалов более эффективно. А города все растут.

– Но ведь не все хотят жить в коробках из пласкрета, – отозвалась Катриона. Она уж точно не хочет! – К тому же в основе любого промышленного биопроизводства лежат природные компоненты.

– Согласен! Но все равно отсюда толком ничего не получишь. Даже после очистки уровень остаточной радиации будет слишком высок, и выращенная здесь еда, мягко говоря, вряд ли попадет на стол. Волокно... быть может...

Энрике нахмурился – сомнения его не отпускали.

– Здесь был один из самых лучших сельхозрайонов, – сказала Катриона. – И, по-моему, первым делом мы могли бы заняться здесь выращиванием цветов.

Она словно воочию увидела акры и акры плодородных земель, украшенных многоцветьем роскошных бутонов.

– Вот как? – моргнул Энрике. – А это действительно было бы здорово!

– Даже если разбить обычный парк, где люди станут гулять без дозиметров, ставить палатки и отдыхать, мы были бы счастливы. Нам так недостает открытых пространств! наших зеленых и красно-бурых открытых пространств!

– Значит, сад? – переспросил Энрике. – Сад площадью в две сотни километров?

Катриона улыбнулась:

– А почему бы и нет?

– Амбициозный проект!

– Майлз, – сказала Катриона, мысленно сосчитав до пяти, чтобы отвлечься, – человек широких взглядов.

– Я слышал, что иногда его...

– Заносит? – подсказала Катриона с улыбкой.

Он благодарно кивнул – *ты сказала, не я*. А вслух произнес:

– Полагаю, именно поэтому мы здесь и находимся.

– Да ты понятия не имеешь, сколько идей роится у него в голове!

* * *

Звонок от Энрике поступил гораздо раньше, чем ожидала Катриона. Утром следующего дня она пыталась затолкать утренний завтрак в двух своих юных отпрысков; Майлз делал вид, что пытается ей помочь, близнецам же было гораздо интереснее бомбардировать едой придворных кошек хассадарской резиденции лорда Форкосигана, которые шмыгали между стульями в столовой, и лорд явно разделял интерес своих детей к военным действиям.

– Окружай его, Элен! Молодец! Беглый огонь!

Столовую оглашал детский хохот и визг, а жевали и глотали только кошки – три разжиревших создания, которые приветствовали падающую на них с небес манну экстатическим урчанием. Двое детей на двоих родителей – верная ничья, но Катриона была не вполне уверена, что лорд Форкосиган играет на ее стороне. Не зная, смеяться ей или плакать, Катриона покинула поле боя и подняла к лицу переговорное устройство.

– Слушаю тебя, Энрике!

– Катриона! Скорее приезжай в лабораторию.

– Срочно?

– Незамедлительно!

В разговор неожиданно вмешался голос Марсии:

– Сейчас особой срочности уже нет. То, что произошло, уже произошло. Вчера вечером.

Но даже если бы ты сразу полетела на участок, то все равно бы опоздала.

– Марсия! – обратилась Катриона уже не к доктору, а к его более практичному ассистенту. – Что происходит?

– Наши камеры засекли вора.

– Вот как? Это куры?

– Нет.

– Но что же тогда?

– Трудно сказать. Посмотришь сама.

Майлз, который с самого начала разговора наострил уши, махнул рукой.

– Если Марсия так взволнована, то это действительно срочно. Тебе нужно поехать. У меня здесь все под контролем. Этот чертов комитет начнется только через час, а я за пять минут добегу.

В этот момент, потягивая кофе, вошла Ори Пим, их летняя няня, которая работала у Форкосиганов, когда у нее в колледже были каникулы.

– Моя помощь нужна, леди Катриона?

– О, да! – благодарно отозвалась Катриона. – Ради всего святого, запихни в эту дикую парочку хоть сколько-нибудь протеинов.

Она кивнула в сторону – игра была в самом разгаре, – и закончила:

– На их отца нельзя положиться. Он у них главный игрок.

Ори усмехнулась:

– Понятно!

Взрывы хохота, прерываемые лживым мяуканьем котов, пытавшихся убедить окружающих, что им грозит голодная смерть, а также веселый возглас Майлза «Отличный выстрел, Саша!» – это то последнее, что услышала Катриона, выходя из столовой. У детишек все в порядке, подумала она, и эта мысль немного смягчила уколы совести.

* * *

Почти мгновенный перелет на флайере из центра Хассадара, и Катриона уже входила в лабораторию, расположившуюся посреди скудных полей в зданиях старой фермы, хозяева которой давно бросили насиженное место и, как Катриона надеялась, отправились на более плодородные поля Зергияра. Так или иначе, нынешнее предназначение подходило ферме больше. «Компания МФК. Лаборатория № 1» – гласила вывеска на воротах, хотя сестра Марсии, Карен, прозвала ее «Ферма жучков-маслячков», и это название прицепилось к лаборатории намертво.

Катриона миновала бревенчатый амбар, где в садках жили жуки, и направилась к главному зданию, бывшему когда-то жилым домом. Энрике планировал построить под лаборато-

рию нечто более впечатляющее, но все откладывал это на *потом, когда у нас будет больше времени*. В бывшей гостиной, превращенной во вспомогательный офис и центр связи, Катриона нашла доктора и Марсию.

Приветствуя хозяев, она помахала рукой Марсии Куделке-Боргос, высокой блондинке под тридцать:

– Привет, Марсия! Что у нас за проблема?

– Вот именно! Проблема, иначе не скажешь.

Энрике сидел перед коммуникационной консолью, сердито сопя на мозаику картинок, в которых Катриона узнала экспериментальный участок, демонстрируемый с разных точек обзора.

– Это здесь, – проворчал он. – Сейчас отмотаю на начало. Все произошло прошлым вечером, сразу после заката.

Чтобы сделать картинки более светлыми, Энрике убрал цвет и уменьшил четкость.

Катриона, вглядываясь в картинки, наклонилась к его плечу.

Странная худощавая фигура осторожно переступила через барьер и вышла на середину участка. Одета она была в брюки размера на два больше, чем нужно. Чтобы брюки не упали, их подвязали на тонкой талии пояском из веревки. Существо также носило старую футболку. По контрасту с ней бледные руки едва не светились – это была даже не слоновая кость, а белая бумага. Существо подняло голову, и Катриона увидела худое костистое лицо, такое же белое, как и руки, и тонкие белые волосы, остриженные под горшок.

– Притормози кадр! – попросила Катриона. – И приблизь изображение!

Глаза у существа были цвета бледно-голубого льда. Уши – остроконечные.

– Господи! Да это лесной эльф, которого видел Майлз.

– Кого видел Майлз? – переспросила Марсия, вскинув брови.

– Определенно альбинос, – уточнил Энрике тоном ученого, которого, кроме точных определений, ничто не волнует.

– Да, я вижу! – взволнованно проговорила Катриона. – Майлз. Он заметил кого-то в сумерках позавчера. Кого-то похожего на лесного эльфа. Оказывается, так оно и было!

Да, Майлз успокоится, когда узнает, что эльф не был галлюцинацией, результатом сбоя в работе его психики. Если бы только это сняло все вопросы! Но, похоже, вопросы только начинаются.

Катриона рассматривала застывшее изображение. Эльф был ребенком, мальчиком. Опытным глазом она определила примерный возраст – между одиннадцатью и, если принять во внимание худобу и истощенность, четырнадцатью. Ему столько же лет, сколько Николасу, ее сыну от первого брака. Растительности на подбородке нет, полной зрелости еще не достиг.

Энрике, взглядом попросив разрешение, вновь запустил картинку в движение. На экране монитора мальчик снял с плеча изношенную холщовую сумку и вытащил оттуда литровую банку с металлической крышкой, в которой были проделаны отверстия. Сняв крышку, он принялся собирать и класть в банку самых ярких жуков.

– Он без перчаток! – воскликнула Марсия.

– И без обуви! – отозвалась Катриона.

Энрике выпрямился.

– А я, когда смотрел в первый раз, и не заметил! Он же *ворует наших жуков*, этот маленький... грабитель!

Уложив в банку с дюжину жуков, которые ползали по спинкам друг друга и, светясь, делали свою тюрьму похожей на волшебную лампу, мальчик наклонился и, сорвав с куста несколько листьев, покрошил их жукам, после чего завинтил крышку. Затем подошел к укрытию, где Катриона и Энрике оставили инструменты и, внимательно разглядывая каждый из них, принялся тоже укладывать в сумку.

– Он решил все у нас украсть! – воскликнула Марсия.

Это были дешевенькие инструменты – после использования можно было, не заморачиваясь с очисткой, оставить их в зоне. Но у Катрионы сердце упало не оттого, что они лишились инструментов. Они же страшно радиоактивны! Она не понимала, почему мальчик тратит время – сложил в сумку и убегай!

Но тот взялся за стремянку.

Стремянка, конечно, в сумку не поместится, и с собой ее не унесешь. Но мальчик попытался ее установить. Очевидно, он не понимал, как работают фиксаторы, и была опасность, что он упадет. Но этого не произошло. Мальчик, каждый раз забираясь все выше, стал прыгать с лестницы на землю. После этого заметил камеры и, прислонив стремянку к дереву, поднялся поближе к одной из них. Постучал, подергал, но камера прочно держалась на кронштейне, и сорвать ее не удалось. Тогда из любопытства мальчик лизнул ее, дав возможность собравшимся в лаборатории увидеть свои странно белесые глаза и длинный язык. Следы слюны остались на камере, замылив изображение.

– Ничего себе! – вздрогнула Марсия.

Вскоре скучная, не желавшая включаться в игру камера надоела мальчику, он спустился на землю, сунул лестницу на прежнее место и ушел.

– Как он туда добрался? – поинтересовался Энрике. – Там же никаких дорог, даже старых. И он слишком молод, чтобы иметь права на вождение флайера или аэробайка.

– Люди в деревнях не переживают по поводу таких мелочей, как водительские права или допустимый возраст, – уточнила Марсия.

Катриона продолжала изучать картинки с других камер, рассматривая мальчика под разными углами.

– Будь у него транспорт, он забрал бы стремянку. Она явно пришлась ему по душе, – сказала Катриона.

Она задумалась. Какой странный выбор игрушки! Конечно, все дети поступают так время от времени – отвергают лучшие игрушки и увлеченно играют с коробками, в которых эти игрушки лежат. Но со стремянкой мальчик вел себя так, словно никогда не видел ничего подобного! И почему он не воспользовался их инструментами, чтобы снять камеры – камеры были самым дорогим из того, что они с Энрике оставили на участке.

– Думаю, он ушел пешком, – сказала Катриона.

– Без обуви? – удивился Энрике. – Но куда? И откуда?

Катриона улыбнулась.

– Вообще-то в деревнях люди все еще ходят пешком, – сказала она. – И вовсе не ради спортивных тренировок. Пешком или верхом на лошади.

Говоря это, она продолжала рассматривать худощавую фигурку мальчика, который, переступив через энергетический барьер, в одной руке нес тяжелую сумку, а в другой – светящуюся банку с жуками.

– Или на пони, – закончила Катриона задумчиво.

– Но он ведь уносит наших жуков! – почти жалобно проговорил Энрике. – Зачем они ему? Ради выкупа?

По тону ученого Катриона поняла, что тот готов заплатить любые деньги, лишь бы вернуть своих питомцев.

– Да он же просто ребенок, Энрике! – сказала Катриона, и в ее воображении родилось новое, более пугающее предположение относительно мотивов, из которых исходил мальчик. Откуда барраряры могут знать, что означает трилистник? А что, если он ворует жуков просто потому, что они красивые?

– Он ребенок мутантов, это очевидно, – сказала Марсия. – Не исключено, что кто-то заставляет его ходить в зону и воровать.

Нет, подумала Катриона, вряд ли в этой истории все так ужасно.

– Не думаю, – покачала она головой. – Он выглядит вполне... самостоятельным. Веселый, активный. Худой, но от голода явно не страдает. Ни синяков, ни серьезных повреждений на бледной коже – по крайней мере на руках и голове. Небольшие царапины – но как без них, когда продираешься сквозь колючие кусты, да еще в одной футболке? Кстати, почему в зараженной зоне находятся люди без защитных костюмов? Это же запрещено! Я думала, что одна из главных обязанностей окружного зрителя – не пускать в зону людей. Нужно позвонить Вадиму.

Что Марсия и сделала, но оказалось, что у зрителя выходной, он был вне зоны доступа и не перезвонил.

Энрике хмурился и моргал, не в силах осознать этот простой факт.

– А я и не знал, что у него бывают выходные, – сказал он.

Недоумение, вполне естественное для доктора – сам Энрике не имел выходных, по крайней мере предусмотренных в графике. Время его было слишком плотно заполнено всевозможными делами – так же как и ее, Катрионы, время, подумала она грустно. Хотя Марсия, жена доктора, иногда вытаскивала его из лаборатории и делала это из принципа. Ощущая, как в ней поднимается чувство вины, Катриона подумала, что и ей нужно почаще отрывать Майлза от дел и везти его отдохнуть. Но и на отдыхе Майлз умудрялся найти дело, требовавшее потом нового отдыха – и так до бесконечности. Нет уж, если он так этого хочет, пусть работает, пока не упадет. Что Майлз и проделывал регулярно. Чем-то он напоминает своих гиперактивных отпрысков. С чего бы?..

– Ты на флайере? – спросил Энрике.

– Да, но если мы туда полетим, то сесть не получится. Или на обратном пути придется лететь на станцию к зрителям, чистить флайер, – уточнила она. Педантизм, присущий Энрике, оказался заразным.

Энрике отмахнулся от этих слов как от пустяка.

– Воришка, вероятнее всего, возвращался несколько раз. Если он пользовался каким-нибудь транспортом, мы, скорее всего, найдем, где он его прятал. Если же приходил пешком...

Доктор замолчал и нахмурился.

– Он не мог прийти издалека, – закончила мысль мужа Марсия.

– Но тогда получается, что он живет в *самой зоне*, – развела руками Катриона.

– И мы обязательно найдем это место, – сказал Энрике.

– Вы же с Вадимом много раз летали над зоной, когда определяли место для экспериментального участка, – напомнила Катриона. – Неужели ничего не заметили с воздуха?

– Но мы же искали не нарушителей!

Разумный ответ. Она захотела переадресовать вопрос Майлзу, но он наверняка уже заседает в своем комитете и вряд ли обрадуется тому, что его отвлекают. И, во-вторых, он, не задумываясь, наложит вето на ее участие в поисковой экспедиции. Попытается наложить, уточнила она. Катриона посмотрела на свой хронометр. Полет в зону и несколько кругов над ней займут не больше часа, и полпути она уже преодолела. Конечно, это почти безрассудство, но этот таинственный мальчик-альбинос...

– Решено!

Пока Катриона звонила Ори по поводу своего изменившегося графика, Энрике погрузил на заднее сиденье флайера защитные костюмы – на всякий случай. Катриона взялась за ручки управления. Этот флайер, миниатюрную скоростную игрушку, ей подарил на годовщину свадьбы Майлз, и очень скоро – гораздо быстрее, чем это сделал бы громоздкий транспортник Вадима, – они оказались над экспериментальным участком.

Энрике заметно нервничал, но успокоить его не удалось: как Катриона и ожидала, найти они, как низко ни барражировали, ничего не смогли – ни беглецов-воришек, шныряющих по кустам, ни следов техники, ни какого-нибудь пони, привязанного к дереву.

Энрике достал биосканер.

– Эти штуки сильно ошибаются, – сказала Катриона, кивнув на прибор. – Даже если сузить диапазон объема биомассы. Допустим, ставишь на собак, коз – что-то такое.

– Но иногда можно получить и положительный результат.

– Да, бывает...

Когда-то, лет тридцать назад, в зоне орудовала банда, которая грабила всех, кто под руку попадался – некие Радиоактивные Робин Гуды. Но долго им протянуть не удалось, хотя они и стали местной легендой, и Майлза, который в те годы был подростком, эта история здорово впечатлила. Катриона надеялась, что он в большей степени идентифицировал себя с бравыми служителями закона, чем с джентльменами удачи, которых полиция в конце концов выкурила из их нор. Правда, представить, что на их садовые инструменты позарились создания, подобные героям прошлого, можно было лишь с большой натяжкой.

Тем не менее по просьбе Энрике Катриона снизила флайер до самых вершин деревьев, и они принялись на минимальной скорости описывать над зоной широкие круги. Внизу проплывали бурые и зеленые деревья – есть от чего мозгам проделать сальто-мортале! А интересно, если бы она была дальтоником и не воспринимала цвета, ей было бы уютнее в этом диком лесу? Теперь она почти жалела, что с ними нет зрителя – все-таки это его работа. А вдруг они с Энрике и в самом деле натолкнутся на бандитов? А у Вадима есть специальные навыки и средства для действий в опасных ситуациях. Она уже было собиралась поделиться своими сомнениями с доктором, как тот воскликнул, глядя на монитор сканера:

– Где-то здесь!

И махнул куда-то в сторону земли.

– Что там? Люди?

Энрике возился с кнопками сканера.

– Не знаю. Показывает где-то около трехсот килограммов. Может, дикие пони или олени.

Катриона увидела внизу трех пони, которые паслись на узкой полосе заливного луга. Дикие, лохматые животные, наверняка нашпигованные радиацией. Кроме них – никого, и ни малейшего намека на ограду. Катриона уже собиралась сделать вираж и лететь дальше, но в этот момент одна из лошадок засеменила – нет, не засеменила, а неловко заскакала по высокой траве и, остановившись, склонилась над ручьем, бежавшим с западной гряды холмов.

– Путы! – взволнованно воскликнула Катриона.

– Что? – не понял Энрике.

– У пони на ногах! Это как... это вроде веревочных кандалов, которыми лошадям связывают передние ноги. Лошади могут пастись, передвигаться, но далеко не убегут. Так делают, когда нет оград и заборов. Это вовсе не дикие пони!

Глядя на нечесаное, изможденное создание, которое с подозрением смотрело на зависший над ним флайер и уже готово было броситься прочь, Катриона уточнила свою мысль:

– Во всяком случае, у них есть владелец.

И, чтобы не испугать животных, она отвела флайер чуть в сторону.

Если бы они двигались быстрее и на большей высоте, Катриона не увидела бы среди деревьев некий прямоугольник, покрытый мхом и камнями и увитый диким виноградом.

– А там не крыша? – спросила она, показывая в его сторону.

Энрике проследил за направлением взгляда Катрионы и направил туда свой сканер, в то время как та вновь заложила вираж.

Они опустились ниже и теперь, под изменившимся углом, рассмотрели полуразрушенное сооружение. Домик, хижина, лачуга... *Нет, у меня нет этих предрассудков, черт бы их всех побрал! Никакая это не избушка...*

Конечно, это была не избушка на курьих ножках, и, внимательно ее рассмотрев, Катриона увидела просто три ствола, обрезанных на высоте трех метров над поверхностью земли. Столбы, словно колонны, поддерживали деревянную платформу, на которой и притулилась хижина. Корявые угловатые корни, будто когти, торчали из основания стволов. Конечно, первое впечатление часто ошибочно, и это понятно – принял же Майлз того подростка за лесного эльфа.

В отличие от жилища ведьмы, у этой лачуги были окна и дверь, и, чтобы проникнуть в нее, не нужно было никаких заклинаний. К неширокому крыльцу снизу вела лестница – надежная защита от одичавших собак и прочих опасностей, подстерегавших человека у самой поверхности, да от той же зараженной почвы. Катриона могла гордиться рациональностью своего мышления, и, поразмыслив, она успокоилась.

Из трубы, сложенной из плитняка, поднимался дымок.

– Приземляйся, – поторопил ее Энрике, похлопав по плечу.

– Да приземляюсь я!

Они продрались через ветви деревьев, которые царапали флайер, словно когти, и коснулись поверхности в дюжине метров от странного жилища.

Катриона смотрела на лачугу, Энрике орудовал сканером.

– Интересно, есть ли кто внутри? – спросила Катриона, почувствовав, как пересохло ее горло. Если из трубы идет дым, значит...

– Пока никого. Или уже никого, – отозвался Энрике и, перегнувшись через спинку сиденья, подхватил защитный костюм и передал его Катрионе. Достал также свой, и они принялись натягивать эти громоздкие одеяния и бахилы, неуклюже копошась в тесной кабине флайера. Наконец шлемы, маски и перчатки оказались на своих местах, и две кукольного вида фигуры с головами, будто у насекомого, выпрыгнули на землю – каждая из своей двери. Если установить круглые фильтры на уровне глаз, а не щек, как они установлены теперь, сходство с жуком будет абсолютное, насмешливо подумала Катриона.

Добравшись до основания лестницы, они остановились и посмотрели друг на друга. Катриона не видела ничего унижительного в необходимости уступать доктору в делах науки и техники – там он был непревзойденным экспертом. Но здесь было дело другого рода, и она все-таки леди Форкосиган. Она и представить не могла, что ей придется заниматься такими делами, но время пришло, и теперь ее роль – ведущая. Сглотнув ком в горле, Катриона ухватилась за поручни лестницы и двинулась вверх. Все еще сжимая в свободной руке сканер, Энрике несколько неловко последовал за ней.

Сняв щеколду, они вошли. В лачуге была всего одна комната. Тусклый свет лился из маленьких окошек, асимметрично расположенных на противоположных стенах. В углу был устроен очаг из сланца и плитняка. Внутри очага тлели уголья, чуть подернутые серым пеплом. Когда глаза привыкли к полумраку, Катриона увидела, что комната буквально ломится от всякой всячины, произведенной еще, вероятно, в Период Изоляции и собранной обитателями этой лачуги со свалок: старинные инструменты ручной работы, древняя потертая мебель, посуда – треснутая, с отбитыми ручками. Все это либо висело по стенам, либо было навалено на полу. Катрионе приходилось видеть подобный хлам, когда они с Майлзом путешествовали по горным деревням.

На стоящей у стены деревянной кровати с сеткой из пластиковых веревок лежал набитый всяким тряпьем матрас. Еще один матрас, на котором в качестве покрывала лежала старая разноцветная занавеска от душа, был задвинут под кровать. Столь же беспорядочно и бедно

были укрыты расположенные по другую сторону комнаты грубо сколоченные двойные нары. *Значит, здесь живут четверо...*

У очага Катриона обнаружила разнообразную кухонную утварь: на крюке висела древняя чугунная сковорода, а рядом с ней – целый набор давно вышедших из строя металлических и пластиковых кухонных приспособлений, переориентированных на жизнь при полном отсутствии энергии – во всех смыслах этого слова. Жилище крайне скудное и нищее, хотя и достаточно уютное. Катриона вспомнила, как Майлз описывал своего деда, сурового старого графа, который в детстве, когда Барраяр был открыт заново, демонстрировал удивительное равнодушие ко всякого рода бытовым удобствам.

Зимой, конечно, здесь не так романтично.

Но что они едят? На полках лежали продукты в обычных упаковках – такое можно купить в любой лавке в Хассадаре. С потолочных балок свисали связки сушеных овощей и трав, а также пластины вяленого мяса, в корзине угнездились яйца диких кур с налипшими перьями и комочками земли. И все было бы хорошо, кроме одной мелочи: все это произведено здесь, в зараженной зоне?

– Дома никого, – констатировал Энрике совершенно очевидный факт. В голосе – ничего, кроме любопытства, ни малейшего беспокойства.

Катриона, глядя на доктора, подавила собственное волнение.

– Далеко они уйти не могли, – сказала она. – Давай посмотрим, что там вокруг дома.

При таком хозяйстве должен быть огород – вполне естественно, – но представлял он собой не единую площадку, а разбросанные по солнечным местам полоски возделанной земли. Чуть дальше, во влажной тени деревьев за домом, открывалась лощина, где Катриона заметила нечто, напоминающее забор из желтоватых столбов. Но в такой темноте нет смысла что-то огораживать. Так что же это? Приблизившись, Катриона увидела несколько оструганных древесных стволов без кроны; наверху белели какие-то набалдашники. *Ох ты ж?..*

– Это что, один из местных обычаев? – спросил Энрике, глядя поверх плеча Катрионы. – Страшновато!

– С чего ты взял? Нет, конечно...

Увы, то были черепа. Катриона сосчитала – одиннадцать. Двенадцатый столб пока пустовал. Большинство черепов – старые и побитые погодой, без плоти и волос. Катриона не знала, считать это добрым знаком или нет. Но попадались черепа и «посвежее». Значит, их обладатели расстались с жизнью в разное время? Она рассматривала черепа, и вдруг к ее горлу подступил комок.

– Взгляни, Энрике, – сказала она. – Черепа-то маленькие, детские.

– Если это не микроцефалы.

Сказал так, словно хотел успокоить. Но вряд ли он сам верит в такую альтернативу.

– Можно осмотреть их зубы, – продолжил доктор. – И любопытно, куда подевались тела.

Он опустил сканер к земле и принялся расхаживать среди столбов, ухмылявшихся страшным оскалом белых челюстей.

– Вот! – наконец проговорил Энрике. – Похоже, тела похоронены у основания столбов.

– И их много?

– Не очень. Соотношение тел к головам – один к одному.

Значит, это не массовое захоронение, а обычное кладбище. У Катрионы не было навыков судебного патологоанатома, но, увидев в черепах молочные зубы, она поняла, что означают слишком маленькие челюсти. Это дети, причем разных возрастов. Парочка черепов поменьше была заметно деформирована. Катриона сжала зубы, после чего сняла с пояса дозиметр и поднесла к черепам. Дозиметр заверещал. Уровень радиации значительно превышал фоновый и был столь же высок, как и в костях животных, найденных в самых зараженных точках зоны.

Энрике, который, поводя сканером и вглядываясь в чащу леса, ходил взад-вперед по участку, позвал Катриону.

– Там еще одно строение, – негромко сказал он.

Катриона посмотрела в сторону, куда показывал доктор, и увидела почти полностью скрытые растительностью деревянные стены. Еще один дом? Они направились к нему. Это строение было много меньше того, что они уже осмотрели, хотя и побольше обычной туалетной кабинки. В отличие от большого дома, оно располагалось не на столбах, а на грубо сложенном фундаменте из плитняка. Это был сарай. Окна и, похоже, даже двери в этом сарае отсутствовали.

Энрике подстроил сканер.

– Там кто-то есть, – сказал он. – Скорее всего, коза.

Они обошли сарай, и Катриона облегченно вздохнула – с этой стороны обнаружилась дверь, выходящая на широкую прогалину. Дверь была заблокирована снаружи заведенной за деревянные скобы кривой палкой, на которой еще сохранилась серая кора. Чтобы разглядеть старые перья, засохший куриный помет и козьи катышки, выметенные веником через порог, не нужна была прецизная техника, которой вооружились Энрике с Катрионкой. Судя по оставленным животными визитным карточкам, крупных особей здесь не содержат – только молодняк, и, вероятнее всего, без матерей. Нет здесь и следов пони. Хотя, погодите-ка! Вот красноречивые свидетельства присутствия этих лошадок возле коновязи!

Катриона положила руку на запорную палку. Энрике одобрительно кивнул, но Катриона, обернувшись к нему, сказала:

– Убери сканер. Если выскочит коза, лови ее.

Конечно, Катрионе простили бы проникновение в жилище людей, которые жили на территории, принадлежащей Форкосиганам, но ее вряд ли бы поняли, если бы она позволила сбегать их домашним животным. А козы и особенно козлы – те еще затейники, как Катриона убедилась в детстве, когда проводила лето у бабушки на ферме.

Чувствуя, что Энрике почти дышит ей в спину, Катриона открыла дверь и вошла, готовая к тому, что ей потребуется время, чтобы приспособиться к полумраку помещения.

Но оказалось, что никакого полумрака и нет! Катриона вошла в планетарий, на стенах и потолке которого ярко сияли звезды. Нет, она вышла на площадь, небо над которой было расцвечено огнями фейерверков. Или лучше так: Катриона оказалась в командном пункте космической станции, летящем сквозь дышащие огнем и брызгами звезд галактики.

На полу, на стенах, на потолке сияла сотня похожих на распустившиеся цветы трилистников. Они были вставлены в фиолетовые оправы, и некоторые из них, цвета золотистого масла, яркостью не уступали лучам солнца, пробивающимся сквозь щели в досках. Эффект был завораживающий. Какие-то трилистники сидели неподвижно, другие медленно передвигались, подобно звездам некоего ожившего фантастического созвездия. Были там жуки размером с большой палец руки, а были – с ладонь Катрионы. Ладонь, одетую в защитную *перчатку*.

Откуда-то с пола прозвучал хриплый голос:

– Это ты, Инги? Ты принес мне еще?

Катриона скользнула взглядом вниз и разглядела приземистую, съжившуюся фигуру в старой мужской рубашке с отрезанными рукавами. Бледные руки бессильно свисали; по этим хрупким дорожкам вверх, цепляясь маленькими коготками, карабкались три или четыре особенно ярких жука. Еще несколько угнездились в немытых, спутанных черных волосах. Фигура раскачивалась взад и вперед, потом медленно, не вставая, обернулась к двери. Парочка крупных жуков-радиофагов устроилась на коленях фигуры, прячась в складках юбки. Стоящим в свете открытой двери явилось луноподобное лицо с подслеповатыми прищуренными глазками и широкой бессмысленной улыбкой.

Женщина? Девочка? Ростом это существо было со взрослую женщину, а грудь ее свидетельствовала о том, что период созревания уже миновал, но широкое лицо было почти детским. Увидев маски и шлемы вошедших, сидящая на полу девушка, охваченная ужасом, из всех сил завопила – совсем как ребенок:

– Белые призраки! Белые призраки!

От этого визга, заставившего содрогнуться дощатые стены хижины, Энрике отшатнулся. Девушка вскочила на ноги, разбрасывая жуков, которые, со стуком отскакивая от пола, словно галька, поспешили наутек. Не повезло только некоторым из них – попав под босые ступни обитательницы сарая, они были раздавлены. Да, она была босой, с нестриженными ногтями на всех шести пальцах каждой из своих ног, и эти длинные ногти, словно когти, скребли по полу.

– Мои жуки! – воскликнул Энрике. – Ты их раздавила, идиотка!

Что это было, оценочное суждение или точная квалификация психического заболевания? Понять доктора в этот напряженный момент было сложновато.

– Стоять! – крикнул он.

Но девушка бросилась к двери, увернувшись от Катрионы, попытавшейся ее задержать.

– Держи ее! – крикнула Катриона.

– Так она же не коза!

Тем не менее Энрике попытался задержать хозяйку сарая; та вывернулась и ткнула доктора кулаками, после чего попыталась расцарапать его лицо под маской ногтями, которых на обеих руках у нее было гораздо больше десяти...

– Не ешьте меня! – умоляюще прокричала она, перепрыгнула через порог и бросилась прочь от хижины. – Инги! Инги! За нами пришли белые призраки! Где ты?

Катриона смотрела на заросли, в которых скрылась крикунья. Ее вопли смолкли еще до того, как успокоились потревоженные кусты, и определить направление, в котором она скрылась, было трудно.

– Мне срочно нужны контейнеры, а то они убегут, – едва дыша от волнения, пролепетал Энрике, не знающий, которого из жуков схватить первым.

– Теперь понятно, где были наши радиофаги, – сказала Катриона.

Ухватив доктора за рукав, она потащила его наружу, по пути аккуратно отбросив носком ноги жука, внимательно изучавшего пол сарая. Оказавшись на улице, Катриона закрыла дверь и водрузила на место палку.

– Жуков мы соберем позже, – сказала она. – Сперва – неотложные дела.

Что же это были за дела? Катриона вздохнула. Инги – это наверняка тот самый подросток, что воровал жуков. По крайней мере, это следовало из слов девушки.

– Эти дети... Эти двое... Вряд ли они живут здесь в одиночестве. И не они построили эти лачуги, – сказала Катриона.

Этим строениям не одно десятилетие от роду, если судить по их состоянию.

– Где-то должны быть и взрослые, – продолжала Катриона, – которые отвечают... отвечают за все, что здесь происходит.

В душе Катрионы возникло весьма тревожное чувство.

– Нужно их найти.

Энрике согласно кивнул и привел свой сканер в боевое положение. Они двинулись вперед, и он спросил Катриону:

– Почему же она убежала, да еще с такими воплями? Мы же не собирались сделать ей ничего плохого.

Теперь, когда доктор нашел своих жуков и его волнение по этому поводу несколько улеглось, он заинтересовался убежавшей девушкой и принялся изучать кусты, где она могла спрятаться.

– Похоже, она в том буреломе, – предположил Энрике.

– Давай не будем ее преследовать, – предложила Катриона. – Пусть успокоится.

– И я совсем не собирался ее есть, – не унимался Энрике, вспоминая с негодованием о том, что произошло в сарае. – Белые *призраки*. Что она имела в виду?

– Я думаю, кто-то рассказывал ей сказки, чтобы напугать, – попыталась объяснить Катриона. – Чтобы она не приближалась к незнакомцам. И не позволяла им приблизиться к ней. Особенно – незнакомцам в защитных костюмах.

– Если эту ложь ей рассказывал какой-нибудь взрослый, он – очень плохой человек, – сказал Энрике, в недоумении оглядывая все вокруг.

Они набрали на дощатый туалет. Там было пусто, хотя туалетом, несомненно, пользовались, и совсем недавно, как легко определила Катриона, несмотря на фильтры маски.

– А разве твои родители тебе таких сказок не рассказывали? – спросила она. – Чтобы помочь избежать неприятностей, пока ты мал и неопытен?

– Никогда, – отозвался Энрике. – Они говорили о разных вещах так, как они существуют по-настоящему. Ясное дело, когда мне было года три, эти объяснения не отличались научной скрупулезностью, но тем не менее... И, когда я подросток и уже мог сам определять, что мне нужно, я просил их читать мне нонфикшен.

– Вот как...

А интересно, где найти сведения о том, как устроена жизнь, ребенку, не столь понятливому и грамотному, каким Энрике был в прошлом? Не успеет научиться – и все! Все кончено! Хотя эта девушка показала, что умеет говорить, и речь ее выстроена грамматически верно, что свидетельствует о весьма развитых когнитивных способностях – даже при том, что она верит во всякую чушь! Если и есть здесь некие нарушения психики, то лишь незначительные – иначе в этих условиях она бы долго не протянула. Катриона вспомнила маленькие деформированные черепа на белесых столбах.

– А как ты относишься к художественной литературе? – спросила она доктора. – К иносказанию, мифу, притче?

Энрике снисходительно махнул рукой:

– Ложь, в которой многие ищут намек, да еще и на что-то серьезное.

– Но это достаточно сложная социальная практика, – возразила Катриона.

Сложная, однако ее детишки осваивают ее быстро и уверенно. Впрочем, ничего удивительного – они же отпрыски Майлза!

– Если взрослый начнет паковать истину в обертку из лжи, ребенок, обнаружив ложь, вместе с оберткой вышвырнет и ее содержимое. Это – рассуждая логически. И уже вообще ничему не станет верить.

– В этом что-то есть, – кивнула Катриона.

Может, именно поэтому взрослым так сложно с подростками?

– Наверное, для родителей следует разработать некий научный метод, – предположила Катриона. – И пусть руководствуются.

– Вообще-то до семи лет я об этом даже не задумывался, – признался Энрике, явно сожалея, что так много времени было потрачено впустую.

Катриона улыбнулась.

– Знаешь, Энрике, из тебя вышел бы очень хороший отец. Хотя и своеобразный!

– Неужели?

Лицо Энрике под маской просияло.

– Вот о ком можно говорить как о хороших родителях, так это о вас с Майлзом, – сказал он. – По крайней мере, вы никогда не паникуете.

– Рядом с Майлзом любой будет держать марку!

Сама она, например, не паниковала, в том числе и сейчас. У нее *душа почти ушла в пятки*. Но это же не паника, верно?

Сканер Энрике, увы, не мог сказать, есть ли в радиусе километра еще хоть один человек. Катриона решила больше не полагаться на прибор и, посмотрев на заросли, спросила:

– Насколько зараженным может быть этот участок леса?

– Не очень. Ну... мы как раз у подножия гряды. Поэтому мы и не стали разбивать здесь наш экспериментальный участок.

– Хорошо промывается?

Энрике кивнул и предложил:

– Можно посмотреть во флайере карту распределения радиации.

И, подумав, спросил:

– А почему ты спрашиваешь?

– Да, давай посмотрим карту, – согласилась Катриона.

Они забрались на переднее сиденье флайера. Теперь ее новую машинку придется чистить не только снаружи, но и изнутри, черт бы побрал эту радиацию! Включили видеокарту. На ней, когда Катриона ввела их текущее местоположение, не отразилось ни одно из только что виденных строений, но топография их не подвела, и действительно заросли, которые интересовали Катриону, отличались сравнительно невысоким уровнем загрязнения, если сравнить с соседними участками леса. Визуально так оно и было.

– Что ты имел в виду, говоря, что не стал разбивать там участок? – спросила она.

– Ну... – ответил Энрике. – Вадим предложил ничего здесь не делать, потому что... потому что здесь естественное возвышение. И мы лишь зря потратим время. Он был прав. Думаешь, он знал про этих людей?

– После того как десять лет отработал в зоне? Вне всякого сомнения.

Значит, Вадим намеренно скрывал факт присутствия людей в зоне. Может быть, даже помогал им прятаться. А если учесть, как давно это поселение существует, то наверняка людей в зоне гораздо больше, чем самому Вадиму известно! А, может быть, здесь налицо *сговор*? Хотя Энрике сказал бы, что она принимает решение без достаточных на то оснований.

– То есть он солгал мне?

– Ну... скажем... – отозвалась Катриона, – умолчал кое о чем.

И это рано или поздно вырастет в проблему. Только вот поздно или рано?

Энрике нахмурился.

Катриона вздохнула, выбралась из флайера и принялась отстегивать шлем и маску.

– Ты что?! – забеспокоился доктор.

– Пойду, поговорю с этой девушкой. Сама она ведь ни за что не выйдет из кустов. Сидит там где-нибудь, съежившись, и плачет. Жестоко оставлять ее так.

– Но твой муж очень расстроится, если узнает, что я позволил...

Катриона освободила прядь волос из-под герметизирующей застежки и заправила ее за ухо.

– *Позволил*? – негромко повторила она, и угроза прозвучала в ее голосе.

Затем, сжавшись над Энрике, закончила примиряюще:

– Совсем необязательно упоминать об этом.

Да уж, сказано совершенно в манере Майлза и, если подумать, была в этом некая космическая справедливость.

– Вот это и называется – Форкосиганы! – воскликнул Энрике, всплеснув руками.

Катриона улыбнулась доктору, засунула шлем под мышку и направилась к лесу.

– Оставайся здесь и будь начеку, – добавила она, чтобы он почувствовал, что состоит при деле, и не увязался бы за ней – а без него она сможет выяснить куда как больше.

– Эти люди могут быть *серийными убийцами*, – ворчливо бросил он ей вслед. – *Радиоактивными* серийными убийцами.

Не обернувшись и даже не замедлив шаг, Катриона отмахнулась от его слов.

Для нее эта прогулка может вылиться в ночь, проведенную в главной больнице Хассадара, подумала Катриона без особой радости. Навалются на нее врачи с их терапией, будут иголки втыкать, заставят делать пи-пи в градуированные мензурки, а, может, и еще к чему принудят... Конечно, это лишь перестраховка – тем более что все дети, которых она хотела иметь и имеет, уже появились из генетически очищенных, замороженных эмбрионов, которых хранили в центре репродукции в Хассадаре до того момента, когда у их родителей (о, чудесный черный юмор!) появилось наконец время ими заниматься. И, так или иначе, земной поклон Ори Пим!

Очень медленно и спокойно Катриона шла к зарослям посреди бурелома, пока не остановилась в нескольких метрах от кустов. Там вповалку лежали гниющие стволы деревьев, перевитые зеленым диким виноградом и плющом; во все стороны вольготно раскинулись пышные побеги черники. Катриона села на землю, подняла лицо и позвала, постаравшись придать своему голосу материнские интонации – мягкие и успокаивающие:

– Эй! Мне очень жаль, что мы напугали тебя. Меня зовут Катриона. А тебя как?

Ответом ей была тишина.

– Я не призрак, – продолжала Катриона. – Я живой человек, женщина. А это просто такая смешная шапка, смотри!

Она надела на голову шлем и вновь сняла, отложив в сторону. У Майлза эти трюки получаются гораздо убедительнее – ему не раз доводилось демонстрировать нечто подобное. Но сейчас в деле был другой Форкосиган. Точнее – была.

В черничнике послышался легкий шорох. Катриона сидела неподвижно. Если эта женщина-девушка выскочит из зарослей и бросится прочь, нужно ли будет ее преследовать? Скорее всего нет. Да и куда ей бежать? Конечно, во всей зоне полных три тысячи квадратных километров, но... А, вот и она! Круглое, желтоватое, встревоженное лицо осторожно выглянуло из-за дерева. Девушка внимательно посмотрела на Катриону. Моргнула.

– Какая ты красивая! – произнесла она чуть надтреснутым голосом.

Катриона едва не вздрогнула, но подавила импульс. Когда в гостиных Форбарр-Султана к ней обращались с подобными комплиментами, это чаще всего была преамбула, за которой следовала просьба допустить просителя или просительницу к аудиенции с лордом Форкосиганом. Или прелюдией к флирту, о чем, конечно же, по мнению человека, произносящего эти слова, не стоило сообщать лорду. Правда, такого рода кавалеров леди Форкосиган своим вниманием не удостаивала. Но все гостиные остались за тысячи километров отсюда... Поэтому она ответила без церемоний:

– Приятно слышать.

– Ты принцесса? – последовал вопрос.

– Нет!

И слава богу. А она ждала принцессу? Должно быть, через эти края проезжает не так много принцесс. Или здесь работает вывернутая логика волшебной сказки: если все принцессы – писанные красавицы, то все красавицы, соответственно – принцессы?

– Так как тебя зовут?

Долгая пауза, и ответ:

– Ядвига.

– Красивое имя!

Эпитет, который в случае с этой девушкой подходил, увы, лишь имени. Когда Ядвига наконец выбралась из зарослей, Катриона увидела, что ее шею украшает бугристый бесцветный нарост размером с кулак. Что это? Зоб или рак трахеи? Или одновременно и то, и другое? Вот почему голос девушки звучал так хрипло, надтреснуто. Катриона непроизвольно сглотнула.

– Правда? – спросила Ядвига.

– Правда, – отозвалась Катриона.

И, не откладывая дела в долгий ящик, поинтересовалась:

– Ты знаешь Вадима Самми, зрителя? Я встретила с ним первый раз несколько дней назад. Похоже, он хороший человек.

Услышав имя зрителя, девушка вышла из зарослей и села в отдалении на землю, бессознательно имитируя позу Катрионы. Вот она, магия имени. В Форбарр-Султане это тоже работает.

– Ты живешь в доме на трех столбах? – спросила Катриона. – Этот дом построил настоящий мастер.

Ядвига кивнула. Выросла на ее шее колыхнулся вверх-вниз. Катриона постаралась не смотреть на него и вообще никак не реагировать.

– А кто с тобой живет? – продолжала она. – Одному ведь жить плохо.

Хотя сейчас Ядвига была одна. Почему? Та палка, на которую была закрыта дверь, не являлась серьезным препятствием – достаточно хорошенько нажать изнутри, и она сломается. Но ведь кто-то же сделал это, и именно снаружи!

– Со мной живет ма Роджи. И Борис. А еще Ингиси, я его люблю больше всех.

Ядвига склонила голову набок и спросила, в свою очередь:

– А где ты живешь?

– Иногда в Хассадаре. А иногда в Форбарр-Султане. Но мое любимое место – неподалеку от длинного озера у самых Дендарийских гор, возле Форкосиган – Сюрло.

Девушка попыталась осмыслить сказанное.

– Как много всего, – произнесла она наконец.

– Да, немало.

Трудно было сказать, что происходит в голове у этой простушки.

– И это далеко? – спросила Ядвига.

– Если на флайере, то не очень. Пешком, конечно, дойти туда трудно. А ты бывала в Хассадаре?

Девушка отрицательно покачала головой.

– А слышала о нем?

Ядвига кивнула.

– Мама с Вадимом иногда говорят о нем. И он привозит оттуда разные вкусные вещи. И мыло.

– Он молодец, – отозвалась Катриона.

Вот откуда взялись на полках в этом домишке разные коробки и банки.

– А он не предлагал тебе слетать в Хассадар? Или еще куда-нибудь?

Ядвига отрицательно замотала головой:

– Если мы появимся на той стороне холмов, люди нас убьют.

– Это не так, – возразила Катриона, стараясь говорить максимально убедительно. – Уже не так.

И содрогнулась.

Но Ядвигу, похоже, не убедили слова Катрионы. Взгляд ее стал тяжел и мрачен.

Катриона решила отвлечь девушку от неприятной темы.

– Ингиси – это тот бледный мальчик, со светлыми волосами, верно?

Та кивнула.

– Мне нравится их расчесывать, – сказала Ядвига. – Они мягче, чем грива у пони.

Да, образ впечатляющий.

– Это Ингиси приносит тебе радиофогов?

– Кого?

– Фиолетовых жуков с горящими золотыми цветами на спинках.

Энергично кивнув, Ядвига улыбнулась.

– Они красивые, верно?

– Тебе нравятся? Спасибо! Это я их придумала. А тот человек, который прилетел со мной, он их сделал. Его зовут Энрике.

Маленькие глазки девушки расширились. Она нервно заерзала и слегка подалась назад.

– Сделал? Он что, *вошебник*?

– Нет, он просто ученый. Любой может сделать таких жуков, – ответила Катриона.

И ради точности добавила:

– Если, конечно, будет таким же умным, как Энрике, и станет долгие годы учиться, как учился он.

На это Ядвига двусмысленно нахмурилась. И задала новый вопрос, более конкретный.

– Ты замужем?

– Да. Но не за Энрике. У него есть жена, и ее зовут Марсия. А моего мужа зовут Майлз.

– Марсия красивая? – спросила Ядвига, нахмутив брови.

– Очень. Она высокая, у нее мягкие светлые волосы, хотя и не такие светлые, как у Ингиси.

Катриона помедлила и спросила:

– Тебе нравятся красивые вещи?

Девушка кивнула.

– Здесь, в зоне, много всего красивого. Растения, холмы, маленькие ручьи.

– Пони!

Катриона вспомнила мрачных коняшек, которых они видели с воздуха, и попыталась придумать про них что-нибудь хорошее.

– У пони пушистые ушки, – сказала она. – И бархатистые мордочки.

– И большие желтые зубы, – хихикнула Ядвига. – Они кусаются.

– Правильно. А еще иногда лягаются.

– Точно!

Ядвига уселась поудобнее и спросила:

– Тебе нравятся пони?

– Очень, – ответила Катриона.

– Хочешь, покажу моих?

– Конечно, но чуть позже.

Ядвига нетерпеливо заерзала, но Катриона не обратила на это внимания.

– Ты говорила про других – про маму Роджи и Бориса. Кто они такие? Я их не знаю.

– Это все ее место, – сказала Ядвига, махнув рукой в сторону хижины. – А Борис – ее настоящий сын. Он большой.

– И давно мама Роджи здесь живет?

– Всю жизнь, – ответила девушка, для убедительности кивнув.

Катрионе хотелось вернуться к разговору о жуках, сказать, что они украдены и страшно ядовиты. Но она опасалась напугать Ядвигу. Что до кумулятивного эффекта радиационного загрязнения, то девушка явно превысила все возможные лимиты. Катриона внимательно рассматривала тонкие руки и опухшее тело Ядвиги. Это от голода? Или под кожей прячется еще одна опухоль?

– Ты не голодаешь? – спросила она. – Мама Роджи тебя кормит?

Ядвига опять махнула рукой. На правой у нее было всего пять пальцев.

– Да, кормит, – ответила она. – Только глотать больно. Из-за этой вот штуки.

Она сжала опухоль под подбородком, но тут же отдернула руку.

– Мы с Ингиси попробовали обвязать ее ниткой, чтобы оторвать, но было слишком больно. А потом мама сказала, что она растет изнутри и все равно ничего не поможет.

Она скорчила гримаску.

Катриона подавила поднявшийся в ней ужас. И произнесла, стараясь говорить спокойно:
– Боюсь, мама Роджи права. Тебе нужен настоящий врач.

Почему же ее не отправили в больницу? Какого черта, Вадим?

Смущенная, Ядвига наморщила свой маленький нос, но затем пожала плечами.

Нельзя ее пугать, напомнила себе Катриона. *Так. Борис – настоящий сын.*

– А ты давно здесь живешь? – спросила она.

– Всю жизнь. Так мама сказала.

– И ты знаешь, сколько тебе лет?

– Конечно, знаю!

В голосе девушки прозвучали нотки негодования:

– Пятнадцать.

– Но ведь ты же не дочь мамы Роджи, верно? И Инги не ее ребенок, так?

– Нет! Мы *все* – ее дети!

И она вновь махнула рукой, на сей раз в сторону кладбища, утыканного столбами с насаженными поверх черепами.

– Когда мы были маленькими, мама сказала, что нашла нас меж капустных листьев, но это просто шутка. Там есть место в зоне, в лесу, где это произошло. Инги говорит, что видел его. Я не видела. Но знаю, что это Вадим привез меня сюда.

Вдалеке раздался приглушенный крик, и тотчас же – ритмический топот. Катриона обернулась и, опершись рукой о землю, приготовилась вскочить на ноги. Оказалось, что топот издают маленькие неподкованные копытца, а кричит Энрике. По лесной прогалине мчался маленький пони с веревочной сбруей, а на нем сидел худой светловолосый подросток, обхвативший бока своего боевого коня босыми ногами. Следом за пони, в своем защитном костюме и маске, неуклюже бежал Энрике.

– Стой, маленький воришка! – кричал доктор.

Инги натянул веревочные поводья, и пони встал как вкопанный.

– Ядди! – закричал мальчик. – Беги! Это белые призраки!

Ядвига подняла на него глаза, но, в отличие от Катрионы, которая поднялась на ноги, не пошевелилась.

– Глупый! Это не призраки. Это просто люди в белых одеждах.

– Мама о них и говорила. Это чужаки!

Инги, как оказалось, был восприимчив ко лжи.

Ядвига, соображая, выпятила нижнюю губу.

– Мама говорила тебе – не ездить по солнцу, а ты ее не слушаешь.

Энрике воспользовался замешательством и, нагнав мальчика, схватил его за руку. В этот момент пони рванулся в сторону и, отбежав на несколько метров, опустил голову и принялся щипать траву. Инги же оказался на земле, но, изогнувшись всем телом, вырвался из не слишком цепкой хватки Энрике.

Но больше он ничего не смог сделать, потому что Ядвигу, собиравшуюся что-то прокричать ему, вдруг поразил длительный приступ кашля. Откашлявшись, она плюнула на землю кровью. Кровавый сгусток, плюхнувшийся у ее ног, казалось, скорее раздражал ее, чем удивлял или беспокоил. Ладонью, на которой Катриона насчитала шесть пальцев, девушка подхватила и бросила на кровь немного земли – чтобы прикрыть от досужих глаз. Инги, всплеснув руками, бросился к ней и протянул край рубахи – вместо платка, – о который Ядвига, безразлично глядя по сторонам, отерла губы.

Катриона, воспользовавшись моментом, вновь села, кивком пригласив Энрике сделать то же самое.

– Привет! – сказала она, обращаясь к Инги. Она взяла на вооружение интонации одновременно материнские и светские; если первая его не смягчит, то вторая наверняка заставит успокоиться и вести себя прилично.

– Ты ведь Инги, верно? Ядвига мне о тебе рассказала. Меня зовут Катриона. А это – мой друг Энрике.

И кивнула в сторону доктора.

Тот, конечно, предпочел бы, чтобы его назвали *доктор Боргос*, но, взглянув на сидящих перед ними детей, со всей присущей ему скромностью позволил Катрионе поступать так, как принято у них на Барраяре. Он медленно сел на землю. Инги, поняв, что он в этой компании находится в меньшинстве, опустил на колени. Пони, не обращая на людей никакого внимания, продолжал в некотором отдалении щипать траву.

– А я вас видел, – признал Инги. – В лесу.

Любопытство, которое Катриона обнаружила в мальчишке еще накануне, когда смотрела записи с камер, побороло в нем страх.

– В этих ваших костюмах.

Его взгляд постоянно возвращался к Катрионе, на этот раз сидевшей если не без костюма, то по крайней мере без его части – шлема.

– Ты за нами шпионил? – спросил Энрике. – Да еще и украл наших жуков!

Инги явно не чувствовал за собой вины.

– Вы оставили их в лесу, – сказал он. – А все, что остается в зоне, принадлежит нам.

– Хорошее объяснение, – покачала головой Катриона. – Но ты не прав. Ты же видел с нами Вадима, верно? И он говорил с тобой прошлой ночью, не так ли? Наверняка просил тебя держаться подальше от нашего участка, да?

Это был выстрел в темноту – но ведь и Вадим бывал здесь затемно, а потому Катриона явно попала в цель. Возраста Инги был примерно такого же, как и ее сын, Никки, и его так же разрывали в клочки крайности подросткового возраста – то ему хочется, чтобы его хвалили, а то – чтобы оставили в покое. И эти резкие перепады от щенячьей радости к глухой угрюмости!

– Возможно, и просил, – отозвался мальчик.

– Мы знаем, что ты взял наших жуков, – сказал Энрике сурово. – У нас есть видео. И мы нашли их в этом вашем сарае.

Выждав краткую паузу, он продолжил:

– Там все, что ты украл? Или есть где-нибудь еще? А, может, ты их потерял?

Инги опасливо пожал плечами.

– Большинство здесь, я думаю.

– Но зачем ты их взял? – почти кричал Энрике.

Инги опять пожал плечами.

– Они нравятся Ядвиге, – ответил он. – Это подарок.

– Боюсь, что тебе придется их вернуть.

Катриона подняла руку – не будем, дескать, принимать поспешных решений – и спросила:

– Подарок? А у нее был день рождения?

До Нового года оставалось еще почти полгода.

– Да нет, – ответил Инги. – Она же болеет.

Его пальцы сами, без участия хозяина, копались в земле, вырывая стебли травы. Инги отвел глаза и продолжил:

– Эти жуки гораздо лучше цветов. А цветы она может и сама найти.

– Ты знаешь, насколько она больна? – спросила Катриона.

Твоя подруга умирает! Ты знаешь об этом?

Инги опустил глаза.

– Знаю, – сказал он.

Знаю...

Деревенские дети гораздо хуже защищены, чем городские. Ни при рождении, ни в болезни, ни в другие периоды своей жизни. Смерть постоянно витает над ними. Особенно если дети живут в подобных, совершенно незаконных лагерях на зараженной территории.

– Это особенные жуки, – сказала она вслух, – и они для нас очень важны. Они важны для будущей жизни зоны, для всего Округа.

– Она говорит, что они сами *сделали* этих жуков, – вступила в разговор Ядвига. – Ты веришь в такое? Как люди могут *делать* жуков?

Инги с сомнением покачал головой.

Когда они встречались в деревнях с простыми людьми, Катрионе в какой-то момент приходилось растолковывать тамошним жителям, что это за жуки и зачем они нужны. Нередко оказывалось, что древние – песок сыплется! – старички бывали лучше образованы, чем подрастающее поколение. Инги и Ядвига относились к последнему. *Придется приложить усилия.*

– Энрике начал с обычных жуков, а потом вырастил этих. У них особая роль. Вы же знаете, что зона есть зона и жить здесь нельзя, потому что все здесь заражено. Радиоактивность.

– Радиоактивность – это очень плохо, – кивнула Ядвига. – Так мама говорит.

Инги смотрел на Катриону с подозрением.

– Вадим сказал нам, что вы, городские, преувеличиваете опасность. И это хорошо – пусть народ держится отсюда подальше. Нам здесь никто не нужен.

Катриона помедлила, после чего произнесла:

– С жуками все достаточно сложно, но, если говорить проще, эти жуки поедают радиацию. Мы думаем, что с их помощью мы очистим зону и здесь опять смогут жить люди.

Энрике нервно повел плечами – ему не понравилось это слишком прямолинейное объяснение, но он счел неразумным вмешиваться. Хотя она могла бы побольше рассказать об опасностях, которые подстерегают людей в зоне.

– Так мы здесь и так живем, – возразила Ядвига.

– Я имею в виду жить и *не болеть*, – уточнила Катриона. – Не болеть раком трахеи или саркомой. Другими, не такими опасными болезнями.

Она тронула себя за шею. Инги вздрогнул, а Ядвига нахмурилась.

– Фокус состоит в следующем, – продолжала Катриона. – Жуки поедают радиоактивность и сами становятся радиоактивными. Поэтому я и попросила Энрике сделать им на спинках трилистники. Сияющие золотые цветы. Это предупреждение. Чем ярче свет, тем опаснее жук, и трогать его нельзя.

Обдумывая сказанное, Инги нахмурился.

– Почему же тогда жуки не умирают? – спросил он. – Если они едят яд.

– Со временем, конечно же, умирают. Но только после того, как наберут достаточно радиоактивности и их можно будет увозить. В этом есть некоторая доля героизма, я думаю.

Хотя можно ли считать героями машины, пусть и биохимические?

Ядвига выглядела крайне расстроенной.

– Они все умрут? – спросила она. – Но они ведь такие красивые!

– Все умирают, – отозвался Инги мрачно и тут же замолчал.

Понял, что поступил бестактно? Интересно!

Катриона чувствовала: больше всего ей хочется сейчас же скрутить этих беспомощных подростков и, не дожидаясь согласия взрослых, погрузить во флайер и отвезти в Хассадар, в главный госпиталь. А потом вернуться с бригадой и привести здесь все в порядок. Только вот какой бригадой? Смотрителей? Или муниципальной полиции Хассадара? А, может быть, с гвардией Форкосигана? Ведь это смотрители должны были следить за местностью, чтобы не допустить подобных кошмаров! *Черт бы их побрал!*

Хотя ни полиция, ни гвардейцы не испытают особого счастья, если их поднять на эту операцию – вне зависимости от того, обладают они навыками работы в зараженной зоне или нет. *Дьявол прячется в мелочах*, как любит говорить Майлз, а у нее пока слишком мало этих мелочей, мало деталей, без которых понимание того, что происходит, ей пока недоступно.

– Вадим не предлагал вам поехать с ним? Скажем, на врачебный осмотр? – спросила Катриона, обращаясь к Инги.

Инги выпучил глаза и почти прокричал:

– Да куда же мы поедem? Они расстреляют всех наших собак, всех коз и пони.

Ядвига взволнованно закивала.

Одной из обязанностей смотрителя зоны была выбраковка одичавших собак, но только в том случае, если немногочисленные жители окрестных деревень сообщали о том, что собаки вторгались на их территорию и нападали на скот и людей. Раньше смотрители отправлялись охотиться на диких собак верхом, в сопровождении своих собственных свор; теперь же занимались этим делом с воздуха, применяя для поиска сканеры. Хотя деревенские жители и сами легко справлялись с возникающими проблемами – никто ведь не считал, сколько старинного оружия незаконно хранится, аккуратно припрятанным, по окрестным деревням.

– У вас есть козы, которые дают молоко? – спросила Катриона, решив подойти к проблеме с другой стороны. Конечно, козы были. Кто же откажется от животных, дающих такое вкусное молоко? А вывезти их из зараженной зоны просто некому. Молочные козы – это вам не белые призраки, это реальность!

Ядвига кивнула. Сердце у Катрионы упало. *Это же самоубийство – пить молоко зараженных животных*, подумала она.

– Я их дою, – гордо сказала девушка. – Это моя работа.

И укоризненно посмотрела на Инги.

– Где они? – спросила она мальчика.

И, глянув на Катриону и показав на Инги, добавила:

– А пасти их – его обязанность.

– Они с той стороны, – ответил Инги, сделав неопределенный жест в сторону дома на столбах, за которым Катриона и Энрике оставили флайер. Катриона проследила направление и увидела в зарослях силуэты животных, пощипывавших листья кустарника. Вносивших дополнительные порции радиации в пищевую цепочку.

– Нельзя пускать их в огород! – набросилась Ядвига на Инги, на что тот, защищаясь, ответил:

– Так они и не в огороде.

После чего продемонстрировал более тесное знакомство с козами, добавив:

– Пока.

Девушка вжала голову в плечи.

– Как бы там ни было, мама говорит, что никогда отсюда не уедет. Я однажды слышала, как она говорит об этом Вадиму и Борису. Она думала, что мы спим, а мы не спали. Она говорила, что хочет быть похороненной в своем доме. А если так, где же мы будем тогда жить?

– Еще она говорила Вадиму, – вступил Инги нерешительно, – что старый граф Петер велел всем оставить ее в покое. А Вадим сказал – если те, кто помнил это, умерли, как она это докажет? Мама не нашлась с ответом.

И через мгновение добавил:

– Правда, потом она отвесила ему подзатыльник. Ясно, ей не понравилось то, что он сказал.

Катриона продолжала терпеливо расспрашивать подростков. Ядвига была старше, зато Инги – смысленнее, и он мог знать больше.

– И когда мама Роджи здесь поселилась? – спросила она.

– Она живет здесь все время, – повторила Ядвига, хотя и не так уверенно. И вдруг, словно вопрос Катрионы ударил ее, вздрогнула и добавила:

– Борис должен знать. Он много чего знает.

Но тут вмешался Инги.

– Вы всего-то туристы из города, – заявил он, явно теряя терпение. – И вы тут никто.

И, повернувшись к Ядвиге, сказал:

– Ты не должна им ничего говорить.

Не успела Катриона решить, чем бы снять агрессивность мальчика, как Ядвига ответила ему:

– Не беспокойся. Придет Борис и прогонит их. Помнишь, как он прогнал того плохого охотника?

Инги прикусил губу.

– Заткнись! – зашипел он на девушку. – Молчи – и все!

Ядвига, обиженная, втянула голову в плечи.

Что это за история? Наверняка ничего хорошего. Катриона не без труда заставила себя опустить руку в загрязненной перчатке, которой она хотела потереть лоб. Свербило в носу.

– Вадим вас часто навещает? – спросила она.

О Вадиме дети говорили безо всякого страха, что, в свою очередь, смягчало гнев, который вызвало в душе Катрионы поведение зрителя.

Ядвига с готовностью закивала.

– Он приезжает, когда у него выходной, – сказала она. – Хотя и не каждый раз. Он научил Инги читать. Но Вадим не хочет покатать нас на своем флайере.

По кислой mine Инги Катриона поняла, что это и его большая мозоль.

– Можешь попросить его покатать тебя на твой следующий день рождения, если...

Он резко замолчал.

Если не умрешь?

– Так вы никогда не летали? – спросила Катриона. – И никогда не видели сверху ни зону, ни весь Округ?

А что, это было бы неплохо – хитростью забрать эту парочку в госпиталь в Хассадаре. Но Катриона отложила в сторону эту мысль. Пока отложила.

Инги поневоле вновь оживился.

– А летать – это интересно? – спросил он.

– Это как волшебство? – поинтересовалась и Ядвига.

Катриона моргнула, неожиданно осознав: для кого-то самые обыденные вещи могут показаться фантастикой – и наоборот. Мы слепы к тому, к чему привыкли.

– Да, очень интересно, – сказала она. – Я люблю летать.

И добавила:

– Мой муж подарил мне новенький флайер недавно.

Подростки были ошеломлены.

– Он, должно быть, очень тебя любит, – сказала Ядвига.

– Да, это так, – признала Катриона.

– Он богатый? Как принц?

– Никаких принцев больше нет, Ядди, – презрительно хмыкнул Инги, который опять начал терять терпение. – Принцы были на Старой Земле.

– Неправда! – возразила девушка. – Вадим сказал, что в Форбарр-Султане родился маленький принц. Это за тридевять округов отсюда, там, где в золотом дворце живет сам император.

Последняя фраза была произнесена Ядвигой нараспев, в волнующем ритме сказочного зачина.

– Это так? – спросила девушка Катриону.

– Не вполне.

Инги удовлетворенно фыркнул.

Катриона вздохнула.

– Столица лежит всего за три округа отсюда, на севере, – объяснила Катриона. – Императорская Резиденция построена из серого камня. Там живут два принца и принцесса, но она еще маленькая.

Она увидела, как Энрике под маской одобрительно вскинул брови. Очевидно, ему пришла по душе почти научная точность описания, данного Катрионкой.

Подростки молчали, переваривая сказанное.

– И это действительно так? – спросил наконец Инги.

Энрике посмотрел на мальчика. Они вполне могли бы подружиться, подумала Катриона, тем более что, похоже, доктор уже не так злится на Инги, да и жуки вроде нашлись.

– Да, – сказала она.

Ядвига устроилась поудобнее с самым довольным видом. Еще бы! Она живет в мире, где существуют самые настоящие принцессы! Катриона вспомнила ту совершенно безоблачную радость, когда во время ее последнего визита в Резиденцию Грегори и Лайса показывали ей свою малышку. А что чувствовали родители Ядвиги, когда оставили ее в зоне, просто выбросили, обрекая на смерть?

В Дендарийских горах в суровые времена Периода Изоляции существовал обычай перерезать горло младенцам-мутантам – обычай, который некоторое время тайно поддерживался и в современную эпоху, пока не был запрещен окончательно. *Там, в лесу, есть место...* А здесь, где ландшафт не так суров, и обычаи были помягче. На первый взгляд. Но, похоже, от них так и не отказались. *Где этот лес, видений полный... приют младенцев, брошенных в чащобе.* Катриона отчаянно нуждалась в фактах. Но они могли оказаться и пострашнее ее фантазий.

– Инги! – прозвучал грубый голос, эхом прокатившийся по лесу. – Да где этот шалопай? Инги! Твои козы опять гуляют где ни попадя. Уж я надеру тебе одно место!

Кричавший, судя по голосу, слишком устал, чтобы немедленно привести угрозу в исполнение. Он приближался и, насколько можно было понять, как раз подходил к хижине на столбах.

Будь осторожна и не выдавай своих желаний...

Из лесу показались двое людей, ведших в поводу пони, нагруженного мешками, свисавшими по обе стороны крупы. Один из них, юноша среднего роста, придерживал рукой кое-как закрепленное на спине животного старое выцветшее кресло, обивка которого местами прорвалась, обнажая поролоновое нутро. Увидев белые одежды непрошенных гостей, юноша набычился и сделался, казалось, еще более приземистым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.